

#ONLINE-БЕСТСЕЛЕР

18+

Эли Фрей

#ГОРОД ЗА ИЗГОРОДЬЮ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «МОЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ»

Эли Фрей
#Город за изгородью
Серия «#ONLINE-бестселлер»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26726584
Город за изгородью / Эли Фрей: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-103895-3*

Аннотация

Элитный городок нефтяников и бедный шахтерский поселок – два разных мира, разделенные высоким забором. В каждом из них царят свои законы и обычаи, а их жители ненавидят друг друга. И лишь страшная трагедия способна положить конец извечной вражде и побудить ребят из двух разных социальных миров изменить отношение друг к другу. Это история взросления четырех детей, у каждого из которых своя судьба и свое будущее. Но трагедия прошлого прочно связывает их на протяжении многих лет и не дает разойтись каждому своей дорогой.

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	26
Глава 1. Бобер	26
Глава 2. Брык	31
Глава 3. Игорек и Ваня	39
Глава 4. Бобер	45
Глава 5. Брык	52
Часть третья	61
Глава 1. Кит	61
Глава 2. Брык-старший	69
Глава 3. Ханна	76
Глава 4. Кит	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Эли Фрей

#Город за изгородью

Часть первая

Ханна

Ветки деревьев хлещут по лицу, а кустарники цепляются колючками за одежду. Ноги вязнут во влажной земле.

Дыхание горячее и прерывистое. Бежать! Вперед! Не останавливаться!

– Брык, лови ее!

Стискиваю зубы от злости. Архип. Он никак не оставит меня в покое. Меня спасает то, что он двигается медленнее нас с Китом.

Впереди уклон. Кто-то сзади толкает меня, мы вдвоем валимся на землю и кубарем катимся вниз, с холма, сквозь деревья по колючкам и камням.

Я перекатываюсь на спину. Кит оказывается надо мной. Хитро улыбаясь, он целует меня.

– Увидимся вечером? – спрашивает он.

– Конечно, я буду ждать, – говорю я и обнимаю его, прижимая к себе.

Он встает на ноги и помогает мне подняться. Протягивает

мне увесистую деревянную палку.

– Давай. Ты знаешь, что надо делать. Я должен как-то оправдаться, что упустил тебя.

Он стоит, согнувшись и опершись руками о колени. Я закрываю глаза и размахиваюсь для удара.

– Вот, черт! Это было большее обычного! – Кит хватается за лицо.

– Прости, – виновато говорю я. Подхожу к нему близко и несколько раз целую его туда, куда только что залепила палкой.

– Брык, ты где? Ты поймал ее? – слышится вдалеке наверху среди деревьев голос *Feind*¹.

– Беги! – шепчет Кит.

Я нехотя отстраняюсь от него. Меня греет мысль о том, что он придет ко мне вечером...

* * *

– Смотри, что я принес тебе, Пряничная девочка, – раздается за окном голос Кита. Он протягивает мне через окно горшочек с желтыми карликовыми розами.

– Какая прелесть! – восхищаюсь я, тянусь через подоконник и целую Кита. А потом хитро смотрю на него и спрашиваю: – Признавайся, украл?

¹ Враг (нем.).

Он смотрит обиженно.

– Почему сразу украл! Заработал!

– Заработал? – удивляюсь я. – Но тогда это действительно самый чудесный подарок! Залезай! Родители не дома допоздна.

Мы оглядываемся по сторонам – не видят ли соседи? А потом Кит вылезает из кустов и запрыгивает в окно.

* * *

– Ханна! Ханна! Ты дома? – раздается из прихожей голос родителей.

– Прыгай в окно! – В панике шепчу я Киту. Как же быстро пролетело время!

Он быстро целует меня на прощание, а потом бросает свои ботинки на улицу и сам спрыгивает за окно.

– Осторожно! Куст колючий! – шепчу я.

– Ничего страшного, я привык! Увидимся завтра!

Я посылаю ему на прощание воздушный поцелуй. Сажусь за стол и открываю книгу.

– Ханна, ты здесь? – В комнату входит мама. – Почему не отвечаешь? Мы пришли. Принесли тебе вкусенького.

– Прости, мамочка, я не слышала – зачиталась. Я переделала все дела – погладила белье и вымыла полы.

– Умница! А что ты читаешь?

– Книга называется «Чтец». Это про общество Германии

после окончания Второй мировой войны... Про то, что люди чувствуют вину и стыд, раскаиваются. Также здесь много о любви, о такой любви, которую в обществе будут осуждать...

Я вижу, что маме скучно слушать мою тщательно подготовленную и заученную рецензию – она не очень любит читать. Вообще-то я не читала эту книгу – нам пересказывал ее Ваня, после чего я решила добавить ее в свою библиотеку. Мне запомнилось, что главную героиню тоже зовут Ханна. Но так и не прочитала...

– Понятно. Уверена, книга очень интересная. Пойдем пить чай!

* * *

Поздним вечером по улицам «Голубых Холмов» идет необычный мальчик. Босой и без футболки – ботинки он держит в одной руке, а футболку перекинул через плечо. Он стоптал ноги до мозолей, все тело в мелких царапинах. В такой поздний час на улицах никого нет, но если бы случайные прохожие увидели его, то обязательно запомнили бы. И не потому, что он босой или в царапинах, нет.

Мальчик улыбается.

Улыбается тому, что он – Самый счастливый человек на Земле.

Встречу с ним запомнили бы как встречу с Санта-Клаусом, Зубной Феей или Пасхальным Кроликом – ведь никто

никогда не видел этих персонажей, как и не встречали Самого счастливого человека на Земле.

* * *

У меня в комнате мы можем целоваться и не отлипать друг от друга часами, пока губы не опухнут, а языки не пересохнут. А потом в панике наводить порядок в доме – выполнять родительские поручения, которые они дают мне на время своего отсутствия.

Кит оказывается мастером по глажке одежды – у меня никогда не получается гладить так быстро, тщательно и без единой складки!

Я быстро мою посуду, Кит гладит и пылесосит, а я потом мою полы.

Мне нравится убираться вместе с Китом – я позволяю себе помечтать и ненадолго представляю нас семьей – как мы наводим порядок в собственном доме.

А потом, когда мы слышим: «Ханна, ты дома?» у входной двери, Кит по традиции бросает свои вещи за окно и выпрыгивает за ними следом, и мечта исчезает...

* * *

Мы прогуливаемся по парку в «Голубых Холмах». Здесь

гуляет много людей, я держу Кита за руку. Ему не нравится гулять в «Холмах», он чувствует себя неуютно.

– Они все смотрят на меня так, будто я только что спер сейф из ближайшего банка, – усмехается он.

– Не говори глупостей! – спорю я. – Никто здесь не смотрит на тебя так.

Кит сегодня хорошо одет – на нем яркая футболка и шорты. Никто даже не поймет, что он из Чертоги.

Я люблю ходить с Китом среди людей. Мне хочется, чтобы нас увидели мои одноклассники. Чтобы нас увидела вся свита дуры Ирмы.

Мне хочется всем вокруг кричать о своих чувствах. Я улыбаюсь и гордо задираю голову, когда мы с Китом идем за руку на людях. Смотрите все! Я влюблена! И это чудесно! Я хочу, чтобы вы все об этом знали! Со мной рядом идет человек, которому я нужна! Теперь я не одна, нас двое.

Мы сидим на лавочке и едим мороженое, а потом забираемся на детскую горку и пускаем сверху мыльные пузыри.

Когда мы хотим остаться вдвоем, то поднимаемся на холм... Холм, на котором в детстве проводили столько времени. Здесь ничего не изменилось: все та же зеленая лужайка, узкоколейная железная дорога... Вот только вагонетка, стоящая на ней, стала еще более ржавой.

– Ну что, лезь внутрь, Пряничная девочка! – улыбается Кит. – Я прокачу тебя!

Под шум ветра и дребезжание ржавых механизмов я уез-

жаю в детство.

Мы ложимся на траву, Кит гладит меня по волосам. Гладит смешно, больше копошится в волосах, как будто ищет там жуков. Но мне все равно. Человек, в которого я влюблена, сидит рядом и гладит меня по волосам! Это волшебное чувство!

Он часто приходит ко мне под ночь – мне приходится в нетерпении ждать и, приоткрывая дверь, прислушиваться – смотрят ли родители свое дурацкое шоу или легли спать? А потом, когда телевизор умолкает и я слышу долгожданное хлопанье дверьми, беру плед и осторожно на цыпочках иду на улицу – Кит уже ждет меня там. Мы садимся на веранде, обнимаем друг друга, чтобы согреться. Шепчемся о всякой ерунде до самого рассвета. Ему нравится моя пижама с мышками. И то, что волосы распущены перед сном, а не убраны в косу.

Несколько месяцев проходят как в сказке.

Жаркое лето...

Я беру велосипеды – один свой и один у Вилли, – и мы с Китом едем куда глаза глядят – за холмы, к горизонту.

В парке покупаем воздушный шарик – пишем на нем наши имена и, забравшись на шахтный копер по вертикальной лестнице, отпускаем шарик в воздух.

Забравшись в вагонетку, наблюдаем закат, а потом смотрим на звезды.

Бегаем по полю и запускаем воздушного змея.

Когда жарко, устраиваем войнушку на территории заброшенной шахты – стреляем друг в друга из водяных пистолетов.

Плаваем в холодной реке до тех пор, пока не синеют губы. Сырая осень...

У меня дома вместе печем блины – Кит так усердно машет сковородкой, переворачивая блины в воздухе, что залепляет один на потолок.

Пишем на листке бумаги наши желания и отправляем бутылку по реке.

Варим глинтвейн. Собираем пазл. Разбираем вещи после стирки. Гуляем пешком, каждый раз выбирая незнакомую дорогу. Идем в торговый центр – примеряем самые нелепые вещи, кривляемся и танцуем перед зеркалом и, конечно же, ничего не покупаем.

Со мной он часто молчит. Как будто боится сказать что-то не то...

Или будто всегда думает о чем-то. Вдруг замолчит на несколько минут, а потом ни с того ни с сего возьмет за руку да сожмет крепко-крепко... Бывает, что до боли. Но я терплю. Значит, так надо. Зачем это? Может, он боится, что я могу улететь? А иногда – опять же после традиционной задумчивости – вдруг развернет на себя резко. Погладит по волосам или пальцем проведет по лицу. И все так же молча. В глаза смотрит и как будто не верит, что я здесь. И что я реальная.

Мы влюблены – и ничего не замечаем вокруг. Когда идет дождь, мы не чувствуем сырости и холода и промокаем до нитки; прохожие, кутаясь в плащи, показывают на нас пальцем, а нам все равно.

Как будто вокруг нас мелом начерчен круг, и внутри него никогда не идет дождь. Все, что за пределами круга, не имеет значения. Плевать, что за ним мы снова окажемся по разные стороны баррикады и Кит будет моим врагом. Плевать, что Архип снова станет меня травить, а Кит будет стоять рядом и наблюдать.

Плевать. Все это – неважно.

Все, что снаружи, – неважно.

Внутри нашего круга всегда тепло и светит солнце.

* * *

– Что бы я выбрал – член или ноги?

Кирилл хитро смотрит на всех, закрывая карту ладонью и не показывая, какой стороной он положил ее – рубашкой или лицевой.

– Член – это рубашка...

Мы сидим дома у Игорька, играем в карточную игру, придуманную мальчишками, которую я не очень-то люблю. Но я быстро в нее втягиваюсь, и первая кладу на стол свою карту рубашкой вверх.

– Член! – говорю я.

– Член! – повторяет Ваня.

Один лишь Игорек, подумав немного, неуверенно говорит:

– Ноги?

И кладет свою карту лицевой стороной.

Кирилл убирает руку. Конечно же, карта рубашкой навверху.

– Ты что, debil? – вспыхивает Кирилл. – Кто же выберет ноги, а не член? Без ног можно жить, а без члена – нет!

– Ну, может, ты хотел нас запутать? – Игорек все настаивает на своем.

– Ведущий не должен путать, должен правду говорить. А ты маленький debil с маленьким членом. Еще не понимаешь, что никто не выберет ноги. Даже Хонюшка поняла, хоть у нее и нет такого устройства.

Все ржут, а мы с Игорьком дуемся.

Иногда с ними бывает тяжело – все-таки они очень грубые, но приходится терпеть.

– Давай забирай карты, щенявый!

Игорек забирает у всех карты. Его стопка сразу поднялась и стала больше, чем у всех.

– Хоня, твоя очередь!

Я тянусь к стопке.

– Туз, – показываю я карту, – туз это что у нас, убийства?

– Да, убийства.

У нас же нет общих знакомых! Кого же мне убивать?

Я напряженно думаю. Ах, нет... Общие знакомые имеются, к сожалению...

Я кладу карту и прикрываю ее ладонью.

– Кого бы я убила? Брыка или Архипа? Брык – рубашка...

Все присвистнули.

– Вот это вопросик!

– Брык! Никто не оставит в живых Брыка!

Игорек кладет карту рубашкой. Ваня повторяет за ним.

– Брык!

Я улыбаюсь.

Кирилл смотрит на меня серьезно.

– Ох, не люблю я эту твою улыбку, Хоня. Она всегда говорит нам «вы совсем меня не знаете». Но будем считать, что улыбки я не видел, поэтому кладу Брыка.

Очередная карта выкладывается рубашкой вверх.

Я показываю карту. Вверху – лицевая сторона. Это Архип.

– Ничего себе! Вот это прокол! Пацаны, она Брыка оставила в живых!

– Забирайте свои карты, – я улыбаюсь. Еще чуть-чуть, и я выиграю.

– Так нечестно! Никто не оставит в живых Брыка! Ты обманываешь!

Я мотаю головой.

– Она просто еще не целиком узнала Брыка! – усмехается Игорек. – Неполный контакт. Был бы полный, она ни за что не выбрала бы Архипа. Она просто не знает его так, как зна-

ем его мы! Эх, наш проколычик...

А я все еще улыбаюсь... А Кирилл в очередной раз смотрит на меня. Но уже серьезно.

– Ох, Хоня... Что-то ты от нас скрываешь...

– Ты водящий. – Я протягиваю Ване карту, тем самым переводя тему. – У тебя дама. Дама – это сиськи.

Мы заканчиваем круг и откладываем карты.

Кирилл глядит за окно:

– Дождь кончился. Айда на улицу?

– Чем займемся? – задаемся мы вопросом, выйдя из дома.

– Есть одна идея! – Кирилл хитро поглядывает на нас всех. – Никто не хочет покататься на аттракционах?

Все дружно кивают. Я не понимаю, что они имеют в виду, – Чертога не похожа на место, в котором вдруг спрятался целый парк аттракционов.

– Что за аттракцион? Что это? – от нетерпения подпрыгиваю я.

– Скоро узнаешь! – Мальчишки улыбаются и ведут меня куда-то. Мне остается только гадать – куда же меня ведут?

Идем вдоль карьера, издалека видим баржу – вражескую штаб-квартиру. Слышим голоса – враг на посту. Нужно идти осторожно, чтобы нас не заметили.

Ноги вязнут в сырой глине.

– Чем так пахнет? – спрашиваю я у Кирилла. – Запах чуть-чуть горький, как будто жарится миндаль.

– Так пахнет цианид. Ртуть, цианид и кислотные стоки –

неизменные друзья золотодобычи.

После его слов запах кажется мне неприятным и даже отталкивающим.

Мы доходим до комбината – завода, где из руды добывают золото.

Там шумно – стоит гул оборудования и машин. Комбинат представляет собой грозное сооружение, состоящее из труб и больших чанов.

– В этих чанах цианируют золото, – объясняет Кирилл. – Руда, которая добывается здесь, очень бедная – в ней много разных примесей и очень мало золота. И чтобы вытащить его из руды, ее заливают раствором цианида. Золото растворяется в нем, а потом, чтобы выделить его из раствора, добавляют цинк. Цинк вытесняет золото, и само золото осаждается.

Слушать Кирилла очень интересно – была бы у меня под рукой тетрадь, я бы записала этот конспект.

Мы обходим комбинат с другой стороны.

Здесь горы руды, стоят самосвалы и экскаваторы. У водителей перерыв на обед – в расположенной неподалеку деревянной беседке они разворачивают банки и контейнеры с едой.

Куда мы пришли? Зачем?

Мальчишки ведут меня к небольшому экскаватору, стоящему за огромной горой из камней. Открывается дверь – из кабины высовывается... дедушка Кирилла. Как всегда ворчит и ругается на него за что-то. Его губы плотно сжаты и

придают ему сердитый вид, но глаза выдают – очень уж они хорошие.

– Деда, привет! Можно мы покатаемся? Ну, пожалуйста-пожалуйста!

– Сто раз уже катались! Сколько можно!

– Но Хоня тоже очень хочет, она никогда не каталась на экскаваторах!

Дедушка хмуро смотрит по сторонам, а потом на меня. Он знает обо мне – что я немка с «Голубых Холмов». Принимает нашу дружбу спокойно – хотя, может, и не одобряет, но виду не подает.

– Хорошо, Сверчок, в заднице сучок, – только не нуди. Бери в охапку свою маленькую фройляйн и пулей в кабину, пока никто не видит.

Кататься? На этом? Я с испугом рассматриваю огромного железного монстра, у которого вместо колес гусеницы.

Так вот что Кирилл называл аттракционом!

Забираюсь внутрь – садимся с Кириллом на одно сидение, занимаем каждый по половинке. Сильно пахнет топливом и ржавчиной.

Я никогда не сидела в экскаваторе, тут мне все непривычно – какие-то рычаги и джойстики вместо руля.

– Так, буду вспоминать... Я буду говорить, а ты делать. Что мы имеем? Два джойстика справа и слева, впереди – два рычага. А слева еще один рычаг, он отличается – видишь, он красный? Это рычаг блокировки. Первое, что делаем, –

опускаем этот красный рычаг. Давай. Толкай его вперед.

Я пытаюсь выполнить указание, но, видимо, толкаю недостаточно сильно – Кирилл кладет сверху на мою руку свою (при этом сильно смущаясь и краснея) и вместе мы толкаем рычаг вперед.

– Так, с этим справились. Дальше даем обороты двигателю – видишь, справа колесико? Его надо покрутить на полный оборот. Тебе неудобно тянуться, я сам сделаю. Вот, прокрутили на полный ход. Так, а теперь запоминай: впереди два рычага отвечают за ходовую часть – если потянем за них, то поедem назад или вперед. Пока не трогаем эти рычаги, будем управлять только боковыми джойстикami. Если потянем левый джойстик вперед, у нас поднимется рукоять ковша, назад – опустится. Влево – то влево повернется вся платформа, если вправо – то платформа поедет вправо. Правый джойстик: если вперед, то опускается вся стрела, назад – поднимается. Влево – ковш закрывается, вправо – открывается. Теперь давай решим задачку – зачерпнем камней вон из той кучи и высыплем ее вон туда. Что для этого нужно сделать? Давай вместе. Клади руку на левый джойстик.

Кирилл вновь накрывает мою руку. Двигаем джойстик влево – платформа поворачивается в сторону кучи.

– Так, а теперь нужно сделать кое-что посложнее – нужно двигать левый и правый джойстик одновременно. Твоя задача – потянуть левый назад, чтобы опустилась рукоять. Я буду тянуть правый вперед, потом вправо – чтобы зачерпнуть

кучу, потом влево, чтобы эту кучу удержать в ковше.

Мы проделываем эти действия – платформа поворачивается, стрела опускается, а ковш зачерпывает кучу.

– Отлично! Поднимай рукоять!

Я толкаю левый джойстик вперед. Потом, уже без подсказок – вправо, чтобы начала двигаться платформа.

– Молодчина! Схватываешь на лету!

Мы ставим новые задачки и без проблем решаем их. Ну все, приду домой и скажу: «Мама, папа, не нужна мне ваша школа, я решила – я буду водителем экскаватора».

– Так, а теперь – покатушки!

Ваня привязывает к зубцам экскаватора толстую ленту, делает из нее петлю и засовывает туда Игорьку.

Игорек довольно улыбается и в предвкушении полета растопыривает руки в стороны.

– Я космонавт!!! – кричит он.

– Смотри! – говорит Кирилл. – Сейчас будет весело! Атракцион «Центрифуга»!

Он поднимает стрелу, а потом поворачивает левый джойстик влево и тянет до упора – платформа начинает вертеться вокруг своей оси. Ковш набирает скорость. Лента натягивается, Игорку мотает по кругу с бешеной скоростью. Он визжит и машет руками.

Даже меня в кабине начинает мутить от такого вращения! Не представляю, как там держится Игорек!

Но судя по его визгу и смеху – ему нравится!

То же самое потом проделываем с Ваней. От подобного аттракциона я отказалась – но Кирилл уговорил меня просто покататься в ковше.

Я выхожу из кабины. Кирилл закрывает ковш. Вижу, как он с важным и напряженным от натуги лицом (конечно, он же отвечает за такой ценный груз в ковше!) тянет за джойстик – и меня поднимает высоко вверх! Дышать трудно – захватывает дух от волнения!

Кирилл хватается за ходовые рычаги, и экскаватор быстро едет вперед, бороздя кучи песка и камней. Меня сильно болтает в моем укрытии. Я вытягиваю в стороны руки и тихонько взвизгиваю от восторга. Это самый потрясающий аттракцион в мире!

Накатавшись вдоволь, мы отдаем игрушку хозяину – дедушка как раз закончил обедать.

Игорек смотрит на часы.

– Вот те на! Жабкой вам в дышло! Меня маменька с папенькой убьют. Я им ключи должен передать... Свои я где-то потерял, ихними пользуюсь. А они уже с работы вернулись... Кто со мной? Тут до Коробок недалеко... А может, все вместе пойдем? Сбегаем ко мне, а потом к Ваньку можно – у него дома никого нет...

Идея всем понравилась.

– Кирка! – кричит за спиной дедушка Кирилла. Мы оборачиваемся – он протягивает какие-то банки. – Сгоняй-ка к тетя Зинке и отнеси ей эти банки – скажи, дядя Коля пере-

дал. Она в Лоскутках живет, дом самый ближний – там еще береза растет.

– Придется разделяться, – говорит Кирилл, забирая банки. – Хоня пускай со мной сходит, а вы – к Игорьку, потом к Ваньку. А мы тогда сразу к Ваньку подвалим – вы нам там кашки сварите, что ли, а то желудок сейчас селезенку сожрет да печенью закусит.

– Вы там осторожней... Вам совсем рядом с баржей проходить придется. Как мышки идите, никому не попадитесь. – Игорек беспокоится за нас.

– Хорошо, мамочка, будет сделано.

Мы разделяемся: Ваня с Игорьком огибают карьер слева, а мы справа. До Лоскутков добираемся без проблем – тетя Зина на обратную дорожку набивает нам карманы каменными пряниками и вставляет нам в рты по моченому яблоку.

По дороге назад жуем пряники и яблоки, я расспрашиваю Кирилла о его дедушке. Какой он? Что любит делать? О чем они разговаривают поздними вечерами?

Кирилл нехотя отвечает:

– Если честно, я плохо знаю собственного дедушку. Мы нечасто болтаем по душам... Ты знаешь, просто как-то не получается душевно поговорить с человеком, который постоянно называет тебя мозговой опухолью и прыщом на заднице. Но я знаю, что он меня любит. Любит, в отличие от матери, которая... Бросила меня и уехала отсюда. А дедушка не бросил. Но с ним бывает сложно... Он сейчас очень мно-

го работает, чтобы оплатить мое обучение. Работает почти без выходных. Мечтает когда-нибудь отправиться к морю, погреть старые косточки. Он ни разу не был на море. Очень надеюсь, что когда буду работать там, у вас, на нефтедобыче, то сумею накопить ему на отпуск. Отправлю его на юг... Ты когда-нибудь была на море, Хоня?

– Была... И много раз. Я не очень люблю такое море, когда на нем отдыхают. Мне там жарко. Море должно быть холодным – таким, чтобы плавали льды. Мечтаю побывать на северных морях...

– Правда? А я вот хочу на теплое море. Такое, которое в фильмах показывают. И которое на плакатах рисуют – чтобы было голубое-голубое, а песок – белым. Хочу сидеть под пальмой и пить сок из кокоса через трубочку... Вот черт! Беги, Хоня!

Я слишком медлю – тяжело перестроиться от спокойных мыслей о море к побегу... Бежать? Зачем? Впереди никого нет...

– Они сзади!

Ноги соображают быстрее – мозг еще задает глупые вопросы, а ноги уже несут меня вперед.

Видимо, мы так увлеклись разговором, что не заметили, как подошли слишком близко к барже.

Я не очень-то волнуюсь за себя – ведь там будет Кит, он снова что-нибудь придумает... Он спасет меня. А вот Кирилл... Но я знаю, что главная цель Архипа – это я. Он по-

гонится за мной. Так что у Кирилла будет шанс убежать...

Я бегу с довольно позитивными мыслями. Сейчас я встречу Кита, он поцелует меня и скажет, куда мне бежать. Мы с Кириллом убежим, а потом пойдем в гости к Ване – они наверняка сейчас готовят что-то поесть. За едой будем со смехом обсуждать, как в очередной раз оставили Архипа с носом.

Берег у карьера затоплен, я бегу по лужам, зарываясь ботинками в буро-зеленую грязь, из-под ног во все стороны летят брызги. Наверное, штаны сильно запачкались – дома у Вани надо привести себя в порядок.

Сзади слышу шаги – там не меньше двух человек. Архип и Кит. Кит! Я чувствую, что он там.

Правая нога скользит по влажной поверхности – я теряю равновесие. Ноги летят вперед, а тело заваливается назад.

Я плашмя падаю на спину, больно ударяюсь головой о землю. Перед глазами плывут черные точки, из легких вышибает воздух. Тошнит. Я не могу пошевелиться. Медленно дышу, смотрю вверх, на мрачные серые тучи.

– Ну, здравствуй, девочка-мокрица, – я слышу самый отвратительный голос в мире. – А я уже совсем заждался.

Надо мной нависает фигура. Фигура человека, которого я ненавижу. И который ненавидит меня.

– Кит, где ты? – шепчу я.

– Что ты там мелешь, мокрица? А ну вставай!

Чьи-то руки вцепляются мне в куртку. Меня рывком под-

нимают на ноги.

Я со страхом вглядываюсь в чужие лица, пробегая глазами от одного к другому.

Я ищу. Ищу и не нахожу. Чем больше лиц я осматриваю, тем сильнее ощущаю внутри страх. Даже не страх. Панику.

Архип стоит совсем рядом. Злобное лицо, стеклянные глаза, на губах мерзкая победная усмешка.

– Мы не ожидали сегодня такую важную гостью! И приятно удивлены. Пойдем, мокрица, мы покажем тебе наш дом. Эй, Галахад, веди Бобра!

Архип с силой сжимает мне плечи и рывком тянет в сторону.

– Нет! – выкрикиваю я и пытаюсь вырваться. Я кусаю его за руку, ударяю ногой в голень. Он кричит и выпускает меня – я рвусь с места. Но что-то не пускает меня – кто-то резко хватает меня за капюшон. Воротник душит – я хочу схватить ртом воздух. Хриплю.

– Дрянь!

Архип накидывается на меня и ударяет по лицу. Я сгибаюсь пополам, хватаюсь руками за нос. Будто злобная собака вцепилась в лицо острыми зубами – настолько сильна эта боль. Я убираю руку – на ней кровь.

– А ну вставай! И только попробуй дернуться – второй раз будет больнее.

Меня ведут на баржу.

Скулы и нос болят от удара – я больше не сопротивляюсь.

Боль мигом лишила меня всей моей смелости.

Мучает страх неизвестности – что будет там, на барже? Что меня ждет?

Справа от меня ведут Кирилла, он весь в грязи и царапинах – пытался сопротивляться...

Я смотрю вокруг, на злобные лица *Feind*. Это даже не лица, а маски. Маски с гримасами ненависти и агрессии. И вдруг я остро осознаю, что все это – настоящее. Это больше не детская игра в догонялки, где один убегает, а второй ловит. Все, что было до сегодня, – лишь шутка. Мне везло, как же мне везло... И у меня был Кит. Кит, который всегда меня спасал. Боже, Кит, где ты? Приди ко мне, умоляю. Я обещаю, что перелезу за забор и больше никогда не приду в Чертогу. Только, прошу, спаси меня, Кит-*Wal*. В последний раз.

Часть вторая

Баржа

Глава 1. Бобер

Привет, парнишка. И вот мы с тобой наконец пришли к тому, откуда все начиналось. Пришли на баржу.

А вот и я – точнее, мои торчащие наружу ноги. Остальная часть тела тонет в шлеме.

А вот Архип – сидит на моих ногах и топит мое туловище.

А вон Ханна – стоит, растерянная, одна среди стаи злобных кусачих псов.

Ух, и злющий же он, Архип. Не уgomонится, пока действительно меня не утопит. А ждать осталось недолго... Интересно, от чего я умру? От недостатка воздуха или от отравления цианидом?

Нет, от нехватки воздуха мне не умереть, к сожалению – иногда Архип ослабляет хватку и мне удастся высунуться наружу и глотнуть спасительного воздуха. Я умру от отравления. Придется много дней мучиться в больнице и умереть в собственных рвоте и поносе.

Слава богу, тут нет Брыка.

Не знаю, почему вдруг он не в стае, но искренне верю, что

он заболел и сдох.

– Отстань от него, Архип!

О нет. Это голос Ханны. Она пытается меня защитить. Бедняжка, а ведь ее же ждет та же участь.

– Заткнись, мокрица! Скоро до тебя тоже доберусь... – из-под густой жижи слышу яростный голос Архипа.

– Какой же ты жалкий, Архип! Не зря таких, как ты, у нас называют *Schund*! Ты знаешь, как это переводится? Отбросы. Мусор. Грязь. Вот кто ты! Вот кто вы все!

Я чувствую, как хватка рук на моем горле ослабевает. Архип думает над словами Ханны.

Чего она хочет добиться, глупая? Роднуля, ты что, не понимаешь, что сейчас героически перевоодишь весь удар на себя? Неужели ты хочешь оказаться на моем месте? Ох, Хонюшка. Сейчас не до геройства... Увы, ты не сможешь прочитать мои мысли.

– Грязь! Городские отбросы. Грязная дворняга. Слабак, который не заслуживает права жить. Мутант с нарушенными генами. Тебя нужно кастрировать, чтобы дальше не распространялась твоя зараза...

Знаете, здесь, внизу, надежно спрятанный под толщей отходов, я восхищаюсь этой девчонкой. Ее отвагой и смелостью. Ее патетикой. Когда, черт возьми, она так здорово научилась говорить по-русски? Еще сегодня утром она неправильно произносила окончания и говорила короткими предложениями. А сейчас – столько красочных оборотов в ре-

чи...

– Чертова корова! Достала меня эта немецкая кобыла...

Нет! Нет! Хватка окончательно ослабевает, Архип отклоняется от меня. Нет, чувак. Ты не закончил. Ну же, хватай меня за горло, топи меня, куда же ты пошел?

Я вцепляюсь в руки Архипа, но он брезгливо сбрасывает их и отходит от меня. Нет, не иди к Ханне, пожалуйста!

Я хочу прокричать ему что-нибудь обидное, чтобы он вернулся, но изо рта вырываются только булькающие звуки.

Я подталкиваю себя к борту. Пытаюсь пошевелить руками, но они слишком тяжелые.

Кричу и вою – но наружу не исходит ни звука. Лишь слабое бульканье... Я стискиваю руками горло, пытаюсь разодрать его, вытащить наружу эту пугающую немоту, но у меня ничего не выходит. Я слишком слаб.

– Как ты посмела раскрыть свой грязный рот, уличная ты шлюха?

Сквозь мутную пелену я вижу, как Архип быстрым шагом идет к Ханне. Он ударяет ее по лицу, а потом хватает за волосы и бьет о стену баржи. Она вскрикивает и падает на пол. Вижу, как он берет с пола веревку с петлей, – наверное, ту самую, на которой в детстве однажды чуть не повесил Мертвяка. Он накидывает петлю на шею Ханны и дергает на себя с такой силой, что даже я из своего укрытия слышу ее хрипы и стоны.

– Тупая немецкая кобыла! – Архип волоком тащит ее на

веревке по палубе, под общее веселье и гогот. – Твое место – на веревке. Ну? Теперь можешь сказать хоть слово? Нет?

Он сильнее дергает за веревку. Ханна хватается за петлю, пытается сбросить ее, но не выходит. Лишь хрипит...

Он ослабляет хватку. Подходит к Ханне близко-близко. Садится рядом с ней на колени и берет ее за пряди волос. Говорит брезгливо:

– Дикая необъезженная кобыла. Я научу тебя ездить в упряжке! Будешь знать, где твое место! А ну лезь в трюм! – Он снова тянет ее на веревке. – Упираешься? Будешь упираться – я раздену тебя прямо здесь, и тебя оседлают все по очереди, хо-хо! Все десять наездников. А ну лезь в трюм!

Она послушно тащится за ним. Он ведет ее на веревке, как лошадь на продажу. Она покорно идет следом. От этой сцены сердце сжимается от боли и жалости.

Я ничего не могу сделать... Даже руки отказывают слушаться меня. И голос.

Он уводит ее в трюм.

Что же он сделает с ней там, в трюме? Какой она выйдет оттуда? Сможет ли дальше улыбаться? Сможет ли и дальше оставаться смелой и гордой? Я не уверен в этом. Архип... Он умеет ломать людей. Он ломает людей пополам, так, что две половинки больше никогда не соединить.

Надо мной нависает стая – они улюлюкают и по очереди отвешивают мне пинки. Я переворачиваюсь за борт. Меня рвет.

Я чувствую запах жареного миндаля.

Перед глазами стоит картина. Я, Игорек и Ваня в гостях у Ханны. Она накрывает стол ажурными салфетками. Мы пьем имбирный чай из фарфоровых чашек. Ханна режет миндальный пирог – он только-только из духовки, над его верхушкой идет пар, стоит превосходный аромат свежей выпечки. И горьковатый запах жареного миндаля... Ханна улыбается – гордой и искренней улыбкой. Ей нравится быть хозяйкой в доме. Нравится принимать гостей. Игорек улыбается. Ваня улыбается. Я улыбаюсь. Как же нам нравились эти моменты... Там, дома у Ханны, мы действительно были защищены от всех бед. Мы были счастливы.

Глава 2. Брык

Это один из теплых летних вечеров. Мы с Архипом стоим на общем балконе моей саманки. По очереди раздаем удары груше.

Я люблю эти вечерние посиделки с Архипом. И знаю, что он их тоже любит. Это такие редкие моменты, когда мы с ним можем быть вдвоем. Когда больше никого нет.

– Я поступил в один институт в Городе, – сообщает Архип, работая кулаками. Груша протяжно скрипит и раскачивается. В этом году он закончил одиннадцатый класс. Я знал, что он не останется здесь и не пойдет работать на шахту. Знал, что он пойдет учиться дальше, уедет из Чертоги. Но вот только я забыл, что это будет так скоро...

Я сижу на парапете и крепко сжимаю стакан с молоком. Мне кажется, что я слышу треск стекла.

– Поздравляю тебя, Архип, – говорю я тихо. Как будто из могилы.

– Не очень-то воодушевленно это прозвучало, малыш, – Архип вымученно улыбается. – Думаешь, я тебя брошу? Как бы не так. Я уже все продумал. Мне дадут место в общеаге. Днем буду учиться, по ночам работать. Буду работать, а еще родители будут давать мне денег. Немного поднакоплю – и вытащу тебя из этой дыры. Увезу тебя с собой. Там мы найдем нормального врача, который определит, что с тобой не

так, и вылечит эту твою заразу. Ты будешь здоров. Тоже сможешь пойти учиться. Мы выучимся и найдем классную работу. Я мечтаю работать в офисе. Чтобы ходить каждый день на работу в наглаженных рубашках и с портфелем. Чтобы у меня было свое рабочее место... Чтобы начинать утро с кофе и газеты. Ездить на работу. Открывать ежедневник, выполнять намеченные на день дела. И все это – не вставая со стула, представляешь? У меня будет свой стул, свой стол и... компьютер! И всю работу я буду делать в компьютере. Я буду чистым целый день. Не придется ползать на карачках по колену в воде. И таскать целый день тяжеленную крепь. Не придется бурить. У каждого человека есть своя мечта. Кто-то мечтает о мире во всем мире. Кто-то хочет быть ведущим ток-шоу. Кто-то мечтает о собственной яхте. Кто-то – накормить всех голодных детей на планете. А я мечтаю о работе в офисе... и неважно, что я буду там делать. Главное, я буду ходить на работу в рубашках. И пить кофе.

Архип говорит так спокойно... Ему хочется поверить. Я провожу рукой под носом, вытираю кровь – из месяца в месяц все хуже, я это чувствую. Я стараюсь скрывать свою болезнь от Ханны, но последнее время это уже не получается. Она беспокоится и задает вопросы. А что я могу ей сказать? Ведь никто не знает, что со мной. И надолго ли...

Хочется поверить, что будет все так, как сказал Архип. Хочется верить, что он уедет, а потом заберет меня.

– Почему тебе не сидится здесь, Архип? Ведь твои роди-

тели занимают высокие должности. Разве они не могут выбить для тебя хорошее место здесь, на шахте? Тебе не нужно будет таскать балки или бурить...

Архип перестает раздавать удары и подходит ко мне. Кладет руку на затылок. Целует в лоб.

– Все не так просто, малыш. Все совсем не так, как кажется... Однажды я расскажу тебе обо всем. Но не сейчас.

Я не понимаю его. Бывает, что он иногда говорит загадками, вот как сейчас. И я совсем не понимаю, что он имеет в виду. Или я просто не хочу понимать. Может быть, он ожидает, что я спрошу его сейчас. Спрошу, в чем дело? Попрошу рассказать... и он бы рассказал. Правда совсем рядом, торчит на поверхности: стоит ухватить – и я вытащу ее. Но я даже не стремлюсь. Я настолько погряз в своих проблемах и болезнях, что мне нет ни до чего дела. Я даже не стремлюсь понять своего друга.

* * *

В конце лета Архип уезжает. Он учится по будням, а в субботу возвращается к нам до вечера воскресенья.

В выходные ничего не меняется – снова мелкие кражи и поджоги, жарня, охота на перебежчиков... и на Ханну... Я думал, что учеба в Городе изменит Архипа, он повзрослеет. Но ничего такого не произошло – он возвращается к нам злющий, как черт. Говорит, что ему срочно нужна разряд-

ка...

Он сильно схуднул, под глазами – вечные мешки. Он мало рассказывает нам об учебе. «Все прекрасно», – вот и весь ответ. Как жизнь в городе? Как сама учеба? Преподаватели? Какие там девчонки? Мы в нетерпении задаем вопросы, но в ответ получаем лишь рычание и короткие холодные ответы. Мы понимаем, что эту тему лучше не трогать. Лучше делать вид, что ничего не изменилось.

Когда он уезжает, я выдыхаю от облегчения. Могу быть уверен, что еще пять дней Ханна будет в безопасности. Но в то же время и скучаю... Отчаянно и дико. Я вдруг чувствую себя, как израненный пес, которого бросил хозяин. Хочется выть от тоски и безысходности.

* * *

На барже празднуем победу – вчера ограбили склад автозапчастей. Распилили дужки навесного замка, ворвались на склад и стащили аккумуляторы, фары и несколько движков от грузовых автомобилей. Сегодня это все смогли продать – получили кругленькую сумму. Накупили алкоголя и хорошей закуски. Отмечаем...

Все веселятся и пьют. Но мне невесело, совсем. Я смотрю на всех людей вокруг – и впервые в жизни чувствую, что они мне чужие. Здесь мне все чужое. Это место мне не дом. И не здесь я хотел бы сейчас быть.

– Ну, за успех! – Архип поднимает руку с зажатым пластиковым стаканом. Тут же поднимается еще десяток рук. Только я не поднимаю стакан.

– Что с тобой, малыш? – обеспокоенно спрашивает Архип. – На вот, выпей! Со всеми за такое успешное дело! За нашу победу!

Мои мысли далеко от этого места. Мне нет дела до этих дурацких побед.

– Не хочу, – бурчу я.

– Почему? В чем дело? – удивляется Архип.

– Потому что это все неправильно. И неважно. Все вокруг – неважно.

– Наша победа неважна для тебя? – хмурится Архип.

– Не такими победами нужно жить. И не такими победами нужно гордиться.

Эти слова вызывают у толпы всплеск язвительных насмешек.

– О-хо-хо... Брыка потянуло на философию! Великий мыслитель Кит Брыков! Новый Платон!

– Брык-Сократ!

– Кит-Спиноза!

– Кит Ницше!

Вот только Архип молчит. И смотрит серьезно.

Я лишь машу рукой.

– Вы все равно не поймете.

Лезу из трюма наверх на палубу.

Не здесь я должен быть сейчас. И не здесь сейчас мои мысли. Мои мысли – там, за забором, среди ажурных пряничных домиков. Мои мысли, мой разум, вся моя сущность сейчас лежат на маленькой белой ладошке одной девочки. Девочки в желтом платье и с розовой лентой в волосах. Моя душа – на ладошке Пряничной девочки. И только это важно для меня.

В цветочном магазине я выгребая из кармана деньги – те, которые заработал на вчерашнем грабеже. Я покупаю желтые розы в горшочке и даю себе слово, что это было мое последнее дело.

* * *

Глеб заставил меня разбираться в сарае.

– Ты ничего по дому не делаешь! Совсем оборзел! – орет он. Мне сегодня не очень-то хочется скандалить, поэтому вместо того, чтобы идти на баржу, а потом к Ханне, разбираю старый хлам. Сгребаю все в кучи. В одну – то, что худо-бедно можно продать, во вторую – то, что надо оставить, а в третью – то, что смело можно выкинуть.

Настроение паршивое... Перебираю старые камеры, мотки проволоки, дырявые сапоги, бидоны и бочки, мешки с чем-то очень пыльным, корзинки с головками засохшего чеснока...

Так, эти гнутые колеса от телеги смело можно на помойку, швейную машинку можно попробовать продать, надувную

лодку оставить, сломанные лыжи – выкинуть...

Апчхи! Ух и пылищи тут. А воняет как у старой бабки под подолом.

Пинаю колесо от злости. Мог бы сейчас болтать с Архимом – сегодня суббота, он приехал домой. За неделю накопилось много новостей, не терпится рассказать. А потом, счастливый, мог бы мчаться к Ханне... Но в итоге проторчу тут до ночи.

Под гнилыми досками я обнаружил целую армию червяков – с отвращением выгоняю не особо приятных соседей.

В планах у нас Глебом уничтожить два осиных гнезда, которые мы обнаружили прямо под потолком. Притаскиваем из дома защитную одежду, перчатки, сапоги и несколько баллонов с пестицидным спреем. Ну, сейчас осы у нас попляшут...

– Здорово, Брык! – Я оборачиваюсь и вижу Мертвяка. Здравуюсь с ним в ответ.

– Чего тут делаешь?

– Да вот, разбираюсь... Выкидываем старый хлам. Сейчас нашли осиные гнезда – будем разорять.

– Ух! Хотел бы я посмотреть...

– Оставайся!

– Не, там на барже сейчас дела поинтересней творятся. Там сейчас у нас такое...

Мертвяк подпрыгивает от возбуждения.

– Ну, чего там? – спрашиваю я. Мне уже самому любо-

пытно.

– А тебе разве не сообщали? Бросай давай свои дела и рвем на баржу! Архип зоопарк поймал! И мокрицу! Представляешь? Он так давно за ней гоняется и наконец поймал! Теперь она от него не уйдет! О-хо-хо...

Баллоны со спреем падают из рук.

– Эй, ты куда? Подожди меня!

Но я мчусь вперед стрелой.

Только бы успеть!

Агрессия, ярость, страх за Ханну – все это придает мне сил.

Никогда в жизни я не бежал так быстро!

Сердце не стучит – оно ревет, как двигатель гоночной машины.

Во рту – топка.

Бегу по крышам сараев – чтобы сократить путь.

Прыгаю через канавы, овраги и рвы, через песочные кучи и груды камней.

Архип! Как ты посмел? Ты предал меня... Ты не должен был трогать Ханну, когда меня нет рядом...

«Что будет, если я не успею?» – сомневается какая-то часть меня.

«Разорву. Уничтожу. Все и всех», – подсказывает внутренний голос.

Но я не слушаю. Нет. Я должен успеть. Должен. Иначе... Иначе просто не может быть.

Глава 3. Игорек и Ваня

Игорек и Ваня сидят на кухне за хромоногим столом. Игорек ковыряет дырки в липкой клеенке. Ваня от нечего делать пытается высыпать на блюдце мокрую соль из надтреснутой солонки. Мальчишки сготовили полную кастрюлю перловой каши с тушенкой, от запаха которой в пустых животах что-то непрерывно урчит и булькает, – но ребята не приступают к ужину, верно и преданно ждут остальных, не менее голодных, членов команды.

– Чего они так долго? – вздыхает Ваня. – Чует сердечко, беда случилась...

– Не кипишуй раньше времени. Может, они заблудились по дороге к этой своей тете.

– Это Кирик-то заблудится? Да он как свои пять пальцев всю Чертогу знает. Ох, чует сердечко неладное... Беда, беда подкралась...

Наступает тишина. Каждый возвращается к своему увлекательному занятию.

– Ты прав. – Игорек вскакивает через минуту и с шумом отодвигает стул. – Что-то не так... Там рядом – вражеская штаб-квартира, нужно проверить, вдруг их поймали...

Мальчишки бегут по улицам. Грузный Ваня медленно перебирает длинными ногами, делая семимильные шаги. Рядом мчится юркий Игорек – быстро шевелит короткими

ножками.

Притаившись недалеко от баржи в зеленой луже за иссохшим кустом, мальчишки вскоре видят вдалеке идущую толпу. Толпа гудит и смеется – вид у всех торжествующий.

Ребята напрягают зрение и видят в центре толпы Хонюшку и Кирилла – их толкают вперед, ведут как будто на казнь.

– Етить твою шморгалку... Поймали все-таки! Гады, – всплескивает руками Игорек. – Ну ничего, держитесь, ребята, мы скоро придем к вам на помощь. Есть план...

За карьером у ближайшего дома мальчишки крадут огромный велосипед – Ваня садится на сидение, а на руль помещает Игорька.

– Гони, Ванек! Гони что есть мочи!

Дома у Игорька ребята складывают в рюкзак милые сердцу Игоряши вещички – это и мина-сюрприз, и дымовая вкусняшка, и петарда-чудесинка, и юркая метательная взрывчатка...

Первый пункт плана захвата баржи выполнен. Остаются еще два пункта.

– Мчи, Ванюша! Мчи, мой дружок! Вперед! В «Голубые Холмы»! – кричит Игорек, сидя на руле.

Красный от натуги Ваня быстро крутит педали: пот градом стекает по лицу, спине – даже в штанах все намокло.

Мальчишки едут вдоль ровных аккуратных домиков и останавливаются неподалеку от дома Ханны.

– Они тут живут? Ты уверен? – спрашивает Игорек.

– Уверен, – кивает Ваня. – Хонюшка сама показывала этот дом.

Друзья слезают с велосипеда, ступают на лужайку и подходят к дому. Со всей силы тарабанят в окно.

Из окна высовываются две одинаковых рожицы – Игорек выдыхает от облегчения. Да, похоже, это они. Братья Вилли и Бруно Финке, про которых рассказывала Хонюшка. Сейчас для освобождения из плена друзей им нужно больше народу в их партизанском отряде, и два здоровенных немецких лба Бруно и Вилли дадут им большой вес. Осталось дело за малым – попытаться донести до них свою мысль на чужом языке...

И вот уже уплывают драгоценные минуты – а Ваня и Игорек все пытаются объяснить братьям, что произошло.

– Да включи уже свой мозг, немецкая ты барракуда! Хонюшка, то есть Ханна, – в беде! Беда, понимаешь? Ханна! Подружка ваша! Помощь ваша нужна. Нам нужно ее спасти. Она – там. Ее схватили!

Чтобы показать наглядно, Игорек и Ваня разыгрывают маленькое театральное представление – Игорек хватается за Ваню и трясет в разные стороны, выступая в роли мучителя, а Ваня усиленно изображает несчастную жертву. Со стороны это выглядит довольно комично – принимая во внимание тот факт, что Ваня занимает собой пространство трех с половиной Игорьков.

В конце концов близнецы понимают, что дело неладно,

выходят через дверь.

– *Wir werden helfen!*² – кивают они.

Игорек и Ваня знаками показывают им взять велосипеды.

Остался последний пункт – вся ватага бежит к дому Хан-ны.

Ребята знают точно, что родителей дома нет, – забираются в окно, которое всегда открыто. Уверенно идут по коридору и заходят в кабинет. Как всегда восторженно замирают при виде висящего на стене всевозможного оружия.

Братья хватают по двуручной секире, Ваня берет длинный и тяжелый меч Тамплиеров, Игорек цепляется за легкую и удобную индейскую боевую дубинку.

Ребята подходят к велосипедам – Ваня сбегивает меч оруженосцу-Игорьку.

Батальон садится на своих «коней», и вся кавалерия быстро движется к полю боя...

Ох, только бы успеть!

– Быстро! Гоним! – звонко кричит Игорек.

У карьера-отстойника велосипеды приходится оставить – колеса застревают в густой жиже. Отряд бежит пешком.

Сзади слышатся шаги – кто-то бежит за ними! И этот кто-то также направляется к барже! Ребята оборачиваются и видят... Брыка!

От неожиданности друзья растерянно останавливаются. Как это так? Почему Брык еще не на барже? Он бежит к ним?

² Мы поможем вам! (нем.).

Враг узнал про появление их отряда и решил дать им бой? Их окружают?

Друзья направляют свое оружие на Брыка. Нет, они не сдадутся так просто! Ведь он один, а их много...

Но даже с мечом в руках у Вани от страха трясутся колени, а Игорек уже готов хлопнуться в обморок.

Враг приближается. Оружие наготове и нацелено на неприятеля... Сейчас будет удар...

Но почему у Брыка такое лицо, будто где-то вдалеке в небо вздымается огромный ядерный гриб?

Враг совсем близко... Но Брык, будто не видя всю команду, просто пробегает мимо них и движется дальше к барже.

Друзья переглядываются. Да что же здесь происходит, черт побери?

Две секунды на обдумывание, и вот отряд бежит следом за Брыком – ведь пока их цели – во что бы то ни стало попасть на баржу – совпадают.

Издалека ребята видят, что на барже много народу. Игорек издает боевой клич, чтобы поднять командный дух, – иначе можно просто умереть от ужаса!

Они ступают на палубу чуть позже Брыка. Ваня держит поднятым меч, братья – секиры, Игорек сжимает в одной руке дымовую шашку, во второй – метательную петарду, а индейскую дубинку взял в зубы.... Но друзья замирают от увиденной сцены.

Брык проносится по барже, словно великий ураган или

сверхмощный тайфун, сметая все и всех на своем пути. Он хватает то одного, то второго, отбрасывает в стороны, раздаёт удар за ударом...

Друзья топчутся на мостике. Нужно срочно менять план действий... Ведь изначально полагалось, что вся вражеская шайка бросится на них. А теперь... Гвоздь программы – Брык, которого, по-видимому, укусил бешеный лис.

Остальные растеряны не меньше наших друзей и даже не пытаются сопротивляться Брыку... Он же всегда считался их другом. Какая муха его укусила?

– Где она?! – ревет он, со злобой и ненавистью осматривая всех. – И он? Куда он ее повел?!

Глава 4. Бобер

Я все еще тихо подыхаю в дальнем углу баржи.

Архип продолжает держать Ханну внизу. Я не знаю, сколько прошло времени.

Першение и царапанье в горле. Рвота. Грудь сдавливает. Слабость. Одышка.

– Эй, а он не подойдет тут? Может, зря Архип так? Вдруг он сейчас копыта откинет? Что нам с ним делать?

Неужели эта безмозглая стая псов начала хоть что-то понимать...

Налицо все признаки отравления цианидом. Что я знаю об этом?

Мои клетки перестают усваивать кислород. Кислород остается в крови в соединенном с гемоглобином виде.

Смерть наступает через двадцать-сорок минут... Кажется, прошло больше... Еще я знаю, что если смерть не наступит через четыре часа, то я выживу. Но, возможно, стану дауном – из-за нарушения мозговой деятельности от кислородного голодания.

– Эй, Бобер, ты там жив? Пацаны, может, ему скорую нужно?

Только я начинаю радоваться, что хотя бы кому-то пришла в голову дельная мысль, как на барже начинается происходить нечто невероятное. И, конечно же, маленький и жал-

кий никому ненужный подышающий Бобер уходит на второй план.

На палубу не пойми откуда врывается Брык – вид у него бешеный. Интересно, чего он так злится? Что Архип утопил меня в шламе вместо него? Съел за него этот чудесный десерт? Или он хочет доделать начатое Архипом и доконать меня?

Но нет... Его цель – не я. Первый раз в жизни.

Хм... Его цель – кто угодно, но не я.

На некоторое время я даже забыл, что подышаю, – настолько происходящее меня увлекло.

Брык подлетает к одному из стаи и отбрасывает в сторону – тот ударяется о стену баржи и скатывается на пол. Брык подбегает ко второму – раздает удар за ударом по лицу. К третьему – швыряет его за борт. Подлетает к четвертому – ударяет по роже, швыряет на пол и бьет ногами.

– Где она?! Куда он ее повел?!

Несколько секунд я даже не имею понятия, о ком речь. Затем понимаю, что он говорит о Ханне. Сердце сжимается от страха – он хочет сделать с ней что-то плохое! Злится на Архипа, что он первый забрал эту заморскую игрушку. Гады... Сдохните оба, твари.

И тут я слышу знакомый клич – так кричат только мои друзья! Я замечаю их на мостике у входа на баржу – держат наготове оружие. На глазах выступают слезы – как же я рад! И горд! Мои друзья пришли ко мне на помощь. И с ними

еще двое...

Все останавливаются при виде Брыка, который превратился в настоящую машину-убийцу.

Внизу под палубой слышен металлический лязг и скрежет.

– Что за кипиш? Эй, Брык, это ты?

Из трюма вылезает Архип.

– Где она?!

Брык с рычанием бросается на него.

Никогда в жизни я не встречал такой жестокости.

Брык повалил его на пол почти сразу же – Архип не ожидал нападения и даже не сопротивлялся.

– Где она?

– О ком ты говоришь, мать твою? – кричит Архип в ответ в перерыве между ударами.

Удар. Еще один. Еще... Звуки звонкие и сочные – так обычно трещит арбуз. Или... Чья-то черепушка.

Сквозь мутную пелену я вижу, что лицо Архипа уже превратилось в кровавое месиво. Брык рычит, с остервенением дикого зверя продолжает наносить сокрушающие удары. Архип открывает рот, пытается кричать, защититься, но бесполезно... Все вокруг смотрят на эту сцену с ужасом – но никто даже не пытается вмешаться.

Кровь – она повсюду. Архип представляет собой сплошной сгусток крови. Разбитое лицо, какие-то темные дыры вместо носа и рта. Брык – весь в крови. Пятна крови на полу

и на стенах баржи. На одежде тех, кто стоит рядом. Перед глазами – кровь...

И тут какая-то мысль пытается прогрызть черепушку и пробраться в мозг... Брык здесь... Ханна там, в трюме... Он ищет ее... Зачем? Я не пускаю мысль в свою голову – она слишком тяжелая для понимания.

– Что ты сделал с ней, тварь? Где она? – орет Брык, хватая Архипа за воротник и трясая во все стороны. Затем отшвыривает его прочь, как сломанную и надоевшую игрушку.

Архип с трудом переворачивается на колени, опирается о палубу. Пытается отдышаться и вытирает ладонью кровь с лица. Он смотрит прямо на Брыка. А потом начинает смеяться. Смех выходит страшным, глухим, жутким. Насмеявшись, он говорит медленно, по слогам, с длительными перерывами на вдохи и выдохи:

– Я должен был понять раньше... Черт, ведь все же указывало на это. Какой же я тупой. Хей, парни, хотите потрясающую новость? Наш Брык влюбился!

Стая недоверчиво смотрит то на Брыка, то на Архипа. Никто не говорит ни слова.

– Влюбился! Да в кого? В девочку-мокрицу! Как это трогательно! Прямо классический любовный роман! Любовь парня из бедной Чертоги к богатой девочке-иностранке! – говорит Архип, издеваясь.

Черт. Он озвучил мою мысль. У Брыка и Хонюшки любовь? В это невозможно поверить! Она и он. Нет, это полный

бред. Это же просто нелепо! Но... Зачем он тогда ее ищет? Ох, да и где же она? Все ли с ней в порядке?

– А я-то думал, почему она всегда убегает от тебя? Вы играли классный спектакль. Ты просто позволял ей убегать. Всегда. Бежал за ней на крышу. И за заброшенный мост. Бежал за ней в шахтах. Врал мне, что поймаешь ее! А сам... Целовал и трахал ее в какой-нибудь яме!

Архип с яростью и обидой выкрикивает последние слова и сплевывает на пол большой сгусток крови.

Это вызов – сейчас наступит второй этап битвы. Но Брык молчит. Лишь с ненавистью смотрит на Архипа.

Слова Архипа логичны... в моей голове уже стали собираться кусочки пазла. За Хонюшкой всегда гонится Брык, а не кто-то другой, это факт. И Брык никогда не может ее поймать, он упускает ее, ему вечно что-то мешает. Но я знаю точно, что Брык бежит быстрее остальных из шайки, он быстрее, ловчее, сильнее. Он просто не может не догнать ее! Если только сам не захочет ее отпустить...

– Ты думаешь, что нужен ей? Как бы не так! Ходячие отбросы – вот кто мы для них! Тебе не место в ее жизни, парень!

– Просто скажи, где она. Я не хочу больше тебя бить, – говорит Брык тихо.

– Она в трюме, – безнадежно говорит Архип и машет рукой в сторону лаза. – Но ты делаешь ошибку. Она – наш враг. Она запудрит тебе мозги. Влюбит в себя, а потом заглотит,

прожует и выплюнет твои кости!

– Я сам разберусь.

– Ты глупый маленький мальчик! Только я знаю, что тебе лучше! – кричит Архип, но Брык уже исчезает в трюме. Все смотрят на лаз – ждут, что же сейчас будет. Как будто в ожидании новой серии лихо закрученного сериала.

Хоня с Брыком вылезают на поверхность – он накинул на нее свою куртку. Она бледная как смерть. Испуганно таращит глаза по сторонам. Вцепляется в Брыка мертвой хваткой. А он обнимает ее. Нежно... Вот черт. Ну как же это так... Как же это возможно... Они и правда вместе? Как они могли скрываться так долго? Злюсь на себя – а я всегда считал, что неплохо понимаю людей. Хонюшка тщательно прятала свою реальность – под своей волшебной улыбкой. И все, что я смог разгадать, – так только эту улыбку. «Ты совсем меня не знаешь».

За что она могла полюбить его? Как вообще можно полюбить такого монстра? В голове столько вопросов. И ни одного ответа.

Брык говорит Архипу, который, скрючившись, сидит на полу:

– Она ничего не отвечает. Молчит как рыба. Если... Если я узнаю, что ты что-то с ней сделал... я убью тебя.

И тут я понимаю, что терпеть уже больше не могу. Дышать все тяжелее. Что-то внутри дерет когтями грудь.

Ребята, я, конечно, понимаю, что не к месту... Вы тут вы-

ясняете отношения и все такое, а я тут тихо подыхаю в уголке и мешаю вам... Но... я тут как бы наглotalся цианида, по ощущениям, получил смертельную дозу – миллиграммов восемьдесят, не меньше... и мне бы очень хотелось в больницу.

Издаю отчаянный крик помощи – но выходит нечто среднее между утиным кряканьем и ревом рожающей ослицы. Но я хотя бы смог привлечь внимание публики.

– Кирилл! – Паника в голосах друзей.

– Что с ним?

– Это отравление! Он наглotalся ядовитой воды в карьере!

– Ему нужно в больницу!

Меня окружают.

Перед тем как окончательно уплыть в неизвестность, я чувствую, как несколько пар рук поднимают меня в воздух.

Глава 5. Брык

Я набрасываюсь на Архипа. Это не лицо моего друга. Я вижу лишь бесформенное пятно. Тело следует инстинктам, а не разуму.

Ярость. Гнев. Желание убить, разорвать в клочья, превратить в ничто человека, который был мне лучшим другом. Человека, который посмел ворваться в мой сказочный мир и разрушить его.

Удар за ударом. Холодное желание убить. Слышать хруст костей и перебитых хрящей, видеть, как от ударов разлетается череп.

Хочется бить еще и еще. Я больше не чувствую ударов, руки и тело будто онемели.

Кровь, повсюду кровь. Моя, текущая из носа, не моя, льющаяся из чужих разбитых губ. Я наношу удар за ударом по месиву, где когда-то было лицо моего друга.

«Прекрати, Кит- *Wal*, – слышу в голове самый прекрасный голос в мире. – Хватит!»

Я останавливаюсь. Ханна права. Нужно остановиться. Ведь моя цель – не месть и не убийство. Моя цель – найти ее. Отбрасываю его прочь.

– Где она?! Что ты с ней сделал?

Я не узнаю свой голос. Я будто вижу все, что происходит, со стороны.

Архип вытирает рукавом кровь. Смотрит на меня и смеется. Он все понял, хватило только одного взгляда на меня.

– Хей, парни, хотите потрясающую новость? Наш Брык влюбился! Да в кого? В девочку-мокрицу!

Вот и все. Тайна раскрыта. Нам больше нечего скрывать, Ханна. Не от кого прятаться. Стало очень легко дышать – так, будто раньше грудь стягивали тугие ремни. А теперь... Ремни перерезаны. Я могу вздохнуть свободно.

– Ты врал мне! Врал мне, что поймаешь ее! А сам... Целовал и трахал ее в какой-нибудь яме!

Я вижу, как больно Архипу. Он так обжегся однажды... Когда лучший друг его предал... А теперь, в какой-то мере, все повторяется снова.

Я больше ничего не хочу. Не хочу бить. Не хочу ни спорить, ни слушать. Я просто должен убедиться, что с моей девочкой все в порядке. Я молюсь, чтобы с ней было все в порядке, иначе... Мне снова придется делать то, что не следует.

Просто. Забрать. Ее. Отсюда. Увести обратно в ее мир, запретить в пряничном домике.

– Просто скажи, где она.

– В трюме. Но ты делаешь ошибку! Только я знаю, что тебе лучше!

Я лезу в трюм и думаю о том, как же он ошибается.

Я больше не его пес.

Поводок перерезан. Навсегда.

В трюме грязно, стоит кислый запах пота и сладковатый

запах ржавчины.

Она сидит на краешке стола и смотрит как будто через стены. Такая маленькая, хрупкая. Сжалась в комочек, обняла себя руками. Я снимаю куртку и накидываю на нее, обнимаю.

Ее реакция заторможена – она не сразу поняла, что это я. Дернулась от испуга. Но потом узнала – и крепко обняла в ответ, так сильно, как не обнимала никогда. Что-то произошло – я не узнаю Ханну. Свою Ханну. Веселую, гордую, смелую, открытую и искреннюю девочку. Где она? Что это за жалкий испуганный зверек ко мне жметесь?

Она всхлипывает. Так тихонько, как будто боится, что ее услышат.

Глажу ее по волосам.

– Тихо. Тш-ш... Все закончилось, девочка. Пойдем, я отведу тебя домой.

По дороге она ничего не говорит – я пытаюсь выпытать у нее, что произошло. Она молчит. Я просто отвожу ее домой, успокаивая себя тем, что это временно, что вечером я приду сюда, она выйдет ко мне и все расскажет. Но вечером она не выходит...

Она не выходит из дома уже несколько дней. Я торчу в соседских кустах почти круглые сутки. Я прихожу рано утром и вижу, как родители уходят на работу. Стучу в дверь. Стучу в окно – все без толку. Она слышит. Знает, что это я. Почему же ты не выходишь? Почему не хочешь меня видеть?

Видеть Ханна не хочет не только меня – я наблюдаю, как к ней подходят двое ее друзей-перебежчиков, а также двое ребят из «Голубых Холмов»... Она никому не открывает.

Остро чувствую свою вину за то, что произошло. Если бы я не разбирал этот чертов сарай, а был на барже в это время, ничего бы не произошло. Да если бы... Если б я не стал встречаться с Ханной, этого тоже могло бы не произойти. Встречи со мной – вот одна из причин, которая тянет ее в Чертогу. Если б я попытался понять Архипа получше, пролез к нему в голову пару раз, я бы понял, что его одержимость Ханной куда серьезней, чем мне казалось. Но меня интересовали только мои проблемы. Какой же я дурак. Эгоистичный ублюдок.

Время уже не вернешь назад.

Я не виделся со стаей после происшествия на барже. И не виделся с Архипом. Я хочу сначала поговорить с Ханной, достучаться до нее – вытянуть из нее то, что она так прячет. Сделал ли Архип с ней что-то плохое? От ее ответа зависит многое.

Я очень зол на него. Перед сном в голову лезут страшные картины – как Архип мучает Ханну, издевается над ней. Ложусь и просыпаюсь с мыслью о том, как сильно я хочу убить его. Я понимаю, что эта мысль меня разрушает, но ничего не могу с собой поделать.

Почистил картошку. Приколотил все время падающую табличку с именами к входной двери.

Сходил с Глебом в магазин. Вымыл лоток Марсика. Зашил штаны. Прочитал книгу. Выпил все молоко в доме. Сожрал весь сахар.

Я пытаюсь занять себя чем-то, чтобы не думать. Но все равно из каждого угла доносятся крики Ханны – ее мольбы о помощи. И смех Архипа. Голова раскалывается на части – я устал задаваться вопросом, который мучает меня и не дает покоя. Что произошло там, в трюме на барже между Архипом и Ханной? Что он ей сделал? Я не могу спросить об этом Архипа – не могу видеться с ним, потому что убью, если увижу. И не могу спросить об этом Ханну, потому что она не выходит ко мне.

Ответы, мне так нужны ответы... Где их искать? Кто мне сможет их дать? Я схожу с ума...

И так, в поиске ответов, сам того не осознавая, я перелезаю за забор в «Голубые Холмы» – но иду не своей обычной дорогой. Я иду на запад и дохожу до небольшой площади, на которой расположилось четырехэтажное блестящее здание. Мда, больница в «Голубых Холмах» выглядит представительней здания администрации в Чертоге. Внутрь меня пропускают без проблем – очевидно, к этому пациенту ходят друзья из школы, и меня просто принимают за одного из учеников.

Я послушно надеваю у входа бахилы и накидываю халат. Иду по коридорам. Пол, стены – все натерто до зеркального блеска. В таких коридорах можно устраивать королевский

прием. Вот только запахи выдают... Во всех больницах пахнет одинаково. Запах хлорки и болезней.

Мне нужно на самый верхний этаж – этот корпус стоит обособленно, напоминает высокую одинокую башню в замке.

Я долго топчусь у входа. Что мне делать внутри? Что я скажу? Я еще не знаю... Решительно открываю дверь.

Бобер лежит на кровати под капельницей, возле него сидит Барашек.

Бобер почему-то не удивлен, смотрит на меня устало, а вот Барашек тарашится так, будто я хирург, который пришел делать срочную ампутацию конечностей пациенту и посетителю тоже – за компанию в знак солидарности с другом.

– Привет, Бо... Кирилл, – беззаботно говорю я, будто пришел навестить друга.

– Привет, Брык. Не могу сказать, что рад тебя видеть, ты уж извини. Странно видеть тебя здесь. Неужели пришел извиниться?

Я мотаю головой.

– Нет. Извинения – это дерьмо не для меня. Но я хочу сказать, что да, я много думал и теперь многое понял.

– Не знал, что ты умеешь думать, – серьезно отвечает Бобер. Я стискиваю зубы. Стараюсь не обращать внимания на его подколы и держать себя в руках. Не место и не время вступать с ним в перепалку. Я продолжаю:

– Понял, что дела, которые я творил раньше, – не такие

уж и важные, как мне казалось. Многое из того, что я делал, было неправильно. По отношению к тебе, к вам всем. Но... я не раскаиваюсь. Это – мое прошлое, от него никуда не денешься. Оно просто было и все. Но я хочу идти дальше. Извиняться я не буду – просто не чувствую, что мне это нужно. Я пришел сюда не за этим, а за другим...

Бобер будто не замечает меня и смотрит в окно.

– Хм... Как разыгрался сегодня ветер... Кто же пришел сегодня на башню старца Фура³ за подсказкой и поиском ответов?

От его пронизательности мне становится неуютно.

– Как будто ты знаешь, зачем я пришел, – хмыкаю я.

– Знаю, – кивает он. – Ты хочешь спросить меня о ней. Хочешь узнать, что тебе делать дальше.

И тут он смотрит на меня – глазами мудрого старика. Почему-то захотелось потянуться к нему – как будто он знает правду. Знает, как мне поступить.

– Тогда скажи мне ответ, – требую я.

– Хм... я дам тебе подсказку. Ведь ключ надо заслужить. Идти может хоть век, но с места не сойдет. Чем старше мы становимся, тем сильнее осознаем его ценность... Ну же? Что это? Ответы на все твои вопросы заключены в этой подсказке. Думай, Брык.

³ Традиционный персонаж популярного телешоу «Форт Боярд», которое транслировалось по ТВ в России с 1992 года. Старец Фура загадывает игроку загадку, которую тот должен отгадать за отведенное время, и в случае успеха игрок получает заветный ключ.

Загадки – не мой конек. Я их ненавижу. Они меня только злят.

– Я не буду участвовать в этой игре, Бобер. Не буду отгадывать твои дурацкие загадки.

– Думай. Твоя минута на исходе.

– Не буду, – упрямо повторяю я. Зря я пришел... Этот Бобер просто издевается надо мной! – Ни черта ты не знаешь! Не знаешь, зачем я пришел! Не можешь знать... Ведь я и сам не знаю.

– Все. Прошла твоя минута. Слишком поздно, ты остался без подсказки. Паспарту, сколько у нас ключей?

Барашек складывает большой и указательный палец буквой «о».

– Ноль! Ноль ключей! Ты не собрал ни одного ключа. Это худшая игра в истории Форта Боярд. Время вышло. Ты упустил все свои подсказки. Твой ключ в море. И с таким-то раскладом хочешь получить ответ?

«Твой ключ в море», – эхом отзывается в голове.

– Да господи, кому я это говорю... – безнадежно машет руками Бобер, смотря куда-то в сторону. – Парню, у которого вместо извилин в мозгу – закоротившая проводка... Как будто он меня поймет. Иди отсюда, Брык. Тебе тут не рады. Тебе тут не место.

Я понимаю, что очень хочу ему врезать, – как всегда. Но это не подходящее место. Я жалею, что пришел.

Когда я подхожу к двери, Бобер говорит мне в спину:

– Это время, Брык. Ответ на загадку. Время. Тебе не нужно ничего делать сейчас, просто дай ей время. Она сама к тебе придет и сама расскажет, что произошло. А пока тебе остается только ждать. Время, Брык.

И когда я уже стою в коридоре и закрываю дверь, слышу сзади:

– Эй, Брык! Я рад, что ты понял, каким дерьмом ты был все это время!

Выхожу на улицу. Куда мне идти? Меня никто не ждет.

С полным сумбуром в голове я подхожу к своему дому. Облокачиваюсь на стену.

Время... Нужно ждать. Ждать я ненавижу. Твой ключ в море, Кит.

А потом гремит взрыв. Такой силы, будто землю перевертило вверх дном.

Часть третья

Взрыв

Глава 1. Кит

Взрыв. Короткое слово, способное разорвать тело и душу в клочья.

Пульсация где-то в земле...

Вспышки... Вдалеке на горизонте я вижу вздымающееся вверх огромное красно-черное зарево. И дым, дым без конца. Столб бесформенной черной массы, уходящий в облака.

Горят Восточные шахты.

Где-то там мои отец и брат.

Я сижу на земле, привалившись к стене дома, в ступоре смотрю на зловещее зарево.

И тут же вдалеке со всех сторон начинают раздаваться протяжные гудки.

О-у-у...

О-у-у...

Это так печально трубят другие шахты, сообщая о происшествии.

Распахиваются окна. Хлопают двери. На улицу выбегают люди.

– Что произошло?

– Восточные горят...

Топот ног. Встревоженные голоса. Люди бегут в одном направлении – туда, где произошел взрыв.

Да что же это я сижу, развалившись? Мне нужно туда! Там же отец! И брат!

И я уже несусь по пустырю, обгоняя толпу, перепрыгиваю через развалины и ямы. Бегу по шпалам железной дороги.

Перепуганная толпа.

Дыма столько, что нечем дышать. Протискиваюсь вперед, расталкиваю толпу локтями. Упираюсь в натянутые ленты и ментов.

– Куда прешь? Оцеплено все!!! – рывкает один из них.

– Там мой отец! Он на шахте! И мой брат тоже! Мне нужно к ним!

– Спасатели скоро будут. Найдут твоих. Вытащат, – говорит он с уверенностью. И мне хочется поверить. Мне остается только вцепиться мертвой хваткой в красно-белые ленты и смотреть, как в небо уходит столб черного дыма.

Дым. Духота. Люди кашляют. Слышатся взволнованные, испуганные голоса. Кто-то плачет, кто-то кричит. У всех этих людей родные и близкие работают на шахтах. И все они думают сейчас об одном. О том же, о чем и я.

«Только бы не моя семья».

А потом я вспоминаю о матери – она должна была быть на комбинате, когда произошел взрыв. Я мчусь в сторону ком-

бината и встречаю ее на полпути – встревоженную, растерянную, плачущую.

Мы обнимаем друг друга. Я чувствую, как ее тело сотрясается в рыданиях.

– Все будет хорошо, мам... – говорю я. – Говорят, что взрыв произошел на поверхности. А они были на глубине... Далеко от очага аварии. Их не зацепило. Вот увидишь – скоро спасатели разгребут завал и вытащат их.

Мы идем в сторону оцепления – но не лезем в гущу толпы. Тут стоят люди, которым просто больше некуда идти в такое время. Мы не можем разойтись по домам.

– Кит! Кит! – слышу я взволнованный голос позади себя. Поворачиваюсь и вижу Ханну.

– Ханна! Что ты тут делаешь?

Она кидается мне на шею. От ее волос сладко пахнет шампунем – я зарываюсь в них носом, – и сладкий аромат перебивает горький запах дыма.

– Мы прибежали сюда сразу после аварии. Здесь много наших, взрослые предлагают помощь – разгребать завал, пока спасатели в пути. Предлагают лекарства и транспорт. А мы с ребятами раздаем воду и маски от дыма, держи. – Она протягивает мне повязку и бутылку воды. – Мне так жаль, Кит... Так жаль. Я уверена, их спасут. – Ханна гладит меня по руке и уходит дальше – раздает маски тем, кто их еще не получил. А мне бы очень хотелось, чтобы она осталась со мной.

Она обходит всех, каждому говорит глупые подбадривающие слова, обнимает плачущих женщин. Она снова такая, какой была раньше. Смелая, сильная, готовая всем помочь.

В толпе я замечаю еще одно знакомое лицо – Архипа. Что он тут делает? Насколько я знаю, его родители тут не работают. Кто-то из близких? Я не подхожу к нему – не думаю, что смогу сказать ему хотя бы пару слов.

Думаю о том, подходила ли к нему Ханна? Протягивала ли ему воду и марлевую повязку? Говорила успокаивающие слова?

МЧС и пожарные приезжают через полчаса. Еще через час мы видим, как прилетает вертолет.

Появляется первая информация – после взрыва в шахте находилось пятьдесят человек.

Спустя три часа после аварии на поверхность выводят тридцать человек.

Я вглядываюсь в черные от грязи лица шахтеров, в их перепачканную и местами рваную одежду – пытаюсь узнать в них отца и Глеба. Но не узнаю...

Еще через полчаса или час найдены первые две жертвы.

В ушах – зловещий гул.

«Только бы не...»

«Только бы не...»

Но это не они.

Это Вячеслав и Мария Бойко.

Родители Архипа.

Как они оказались на шахте?

Я смотрю в его сторону – он разговаривает с каким-то мужчиной. Разговаривает тихо, смотрит серьезно. Он спокоен. Мужчина обнимает его за плечи и куда-то уводит. Возможно, это друг семьи.

Черт... Это я должен был быть на месте этого мужчины. Я должен был подойти к Архипу. Ведь он сделал бы это для меня... А я из-за своей гордости даже не подошел к нему...

Смотрю на маму – нет, я должен быть с ней. Нельзя оставлять ее одну.

Из тридцати вышедших на поверхность горняков шестерых увозят в больницу с переломами и ожогами. В толпе говорят обнадеживающие слова – кто-то слышал, что вентиляционные стволы работают нормально. В шахту поступает воздух. Значит, люди внутри не умрут от недостатка кислорода.

Ханна со своим маленьким отрядом снова появляется в поле зрения – на этот раз они раздают всем пледы, пытаются напоить людей горячим чаем и накормить бутербродами.

Когда темнеет, двое шахтеров, друзей отца, те, у кого был сегодня выходной, отводят меня и маму домой.

– Вам нужно поспать, – говорят они. – Все будет хорошо – нам сообщили, что сюда едут еще двадцать спасателей. И дополнительная техника.

О каком сне может идти речь?

Мысли о том, что отец и брат сейчас находятся там, на

глубине четырехсот метров, отрезанные от остального мира завалом, сводят с ума и меня, и маму.

Мама сидит, уставившись в одну точку, отгородившись от меня и от всего мира толстой стеной своего аквариума.

Я сажусь к ней на кровать. Держу за руку и повторяю одно и то же.

– С ними все будет хорошо... Их спасут, вот увидишь.

Так проходит ночь.

А в 8:30 утра к нам снова приходит друг отца. От него мы узнаем, что на шахте обнаружено еще пятеро погибших горняков.

Среди них – Глеб и Юрий Брыковы.

Будто бомба лопнула внутри. Будто не выдержала крепь в шахте, и многотонная груда руды рухнула на голову.

Мать плавно опускается на койку.

Мы долго сидим, прижавшись друг другу. Мать плачет, а у меня слезы застряли в горле. В ушах стоит звенящий гул.

* * *

Два дня до похорон.

Я прижимаюсь лбом к оконному стеклу. Смотрю на колесо подъемника вдалеке – на других шахтах. Тех, с которых люди после смены в тот день вернулись здоровыми.

«Слава шахтерскому труду!» – чернеют на одном из старых зданий шахты объемные буквы. Надпись, оставшаяся

еще со времен Советского Союза.

Мне плевать на все, что происходит снаружи, – сколько народу вытащили, сколько еще погибло людей, почему взорвалась шахта. Мне плевать.

– Ты как, мам? – Я протягиваю маме чашку горячего чая.

– Все хорошо, Глебушка, – отвечает она, сидя все в той же позе на койке и принимая чашку дрожащими руками. А у меня от ее слов в голове будто раздаются удары похоронного колокола.

* * *

Церемония прощания. Панихида по погибшим – всего погибло двенадцать человек. Прощаться с погибшими пришли многие – их колонна растянулась на большое расстояние. Пришли даже жители «Голубых Холмов». И Ханна.

Я вижу Архипа – на несколько секунд наши взгляды встречаются.

Понимание – вот что каждый из нас может прочитать в глазах другого.

Мы не подходим друг к другу – незачем. Ведь если подойдем, придется что-то говорить. А никто из нас сейчас не может разговаривать.

Слезы. Гвоздики. Телевидение. Смерть. Холодный морозящий дождь. Сладковатый запах паленого дерева. Вереница гробов. Люди, одетые в темное.

Я не обращаю внимания на все это. Будто не вижу. Смотрю только вверх, на хмурые облака...

И вижу два маленьких прямоугольника чистого голубого неба – там должны были плыть киты отца и Глеба.

Киты, которые уже никогда не поднимутся со дна и не воспарят в воздух.

Глава 2. Брык-старший

Он мечтал быть пилотом. Когда был маленьким, чуть слышал за окном гул – сразу выбегал на улицу, смотрел, как в небе, разрезая облака, летит самолет. В сарае сделал что-то вроде кабины пилота: впереди – плакат с облаками, перед ним – старое кресло. Из неработающего лампового радиоприемника соорудил пульт управления и турбины для самолета.

– Вас приветствует командир самолета «Альбатрос!» – говорил он невидимым пассажирам и просил пристегнуть ремни. А потом щелкал переключатели – и самолет взмывал в воздух. К облакам...

Он любил небо, любил солнце. Любил воздух. И высоту... Как же он любил высоту.

Он облазил все деревья и вышки в округе, всегда был самым смелым и бесстрашным.

Мечта стать пилотом не отступала, а, наоборот, со временем только крепла.

В школьные годы он твердо решил, что покинет отчий дом и уедет в летное училище.

Но судьба сыграла с ним злую шутку и вывернула мечту наизнанку. Перевернула все с ног на голову, и вместо десяти тысяч метров над землей он ушел на семьсот метров под нее, в сырую и мрачную бездну, на долгие-долгие годы.

Здесь не слышен гул самолетов – лишь грохот отбойных молотков. Здесь нет неба... Здесь ты даже не сможешь встать в полный рост, не зацепив уродливые конструкции, крепящиеся к потолку. Нет солнца – лишь тусклый свет налобных фонариков. Затхлый воздух из вентиляционных труб вместо свежего ветерка. Здесь всегда болит спина, потому что ее невозможно выпрямить. Невозможно расслабить тело, встать или сесть в любимую удобную позу. Здесь очень сыро, можно с легкостью заработать артроз суставов и воспаление легких.

Буро-зеленые комбинезоны, покрытые пылью, оранжевые каски, перепачканные лица.

До болезни он был проходчиком. Прорывал новые ходы под землей. Носил в одиночку тяжеленные ножки и стойки крепи. Про проходчиков есть хорошая шутка: для чего проходчику голова? Чтобы стойка с плеча не падала.

После выздоровления в проходчики его не взяли – на эту должность быстро отобрали кого-то другого. Стал забойщиком. Теперь занимается непосредственно добычей руды. Может работать на карачках, полулежа, по пояс в воде. И везде и всегда с ним его лучший друг – отбойный молоток. Он даже имя дал молотку – назвал его Жозе, в честь персонажа аббата Фариа из произведения «Граф Монте-Кристо» – того самого аббата-заключенного, к которому Дантес ошибочно прорыл подкоп, находясь в заточении.

Он теперь редко вспоминает свою мечту – работа отбой-

ным молотком отбивает всякое желание вспоминать о чем-либо и вообще думать.

Но думает он часто – о своей семье. До болезни думал о том, что не хочет сыновьям такой же участи, поэтому будет работать как вол – поставил себе цель выполнять в день четырнадцать норм.

Он хотел, чтобы хотя бы старший выбрался из этого болота. Уехал куда-нибудь учиться. Чтобы получил хорошую работу... Со вторым много проблем – со здоровьем и психикой, поэтому младший лучше пускай при родителях сидит, целее будет. Отец выбьет ему какое-нибудь местечко на шахте – пускай денег приносить будет мало, зато чтобы усилий особых не требовало – работа больше для того, чтобы без дела не сидел да в неприятности не влезал. Никитку они как-нибудь да прокормят. А вот у Глеба много амбиций... Именно в старшем сыне он видел себя – молодого, горячего, с блеском в глазах, когда еще думал, что перед ним откроются все двери... Но, увы, открылась только одна – та, над которой темнеет советская пятиконечная звезда. Дверь, ведущая в бездну.

Не хотел он сыну той же участи, поэтому работал за четверых – копил деньги на будущее старшего.

Итог – паралич, пневмония и гора кредитов. Судьба снова издевается над ним – после того, как он сильно выбился вперед, она откатила его назад – еще дальше, чем он стоял. Но он не впал в уныние, после выздоровления вернулся на

шахту. Сначала его устроили стволовым – работа, которая не требует особых физических затрат. Стволовой отвечает за клеть, регулирует ее движение. Отвечает за погрузку и разгрузку людей и материалов в клетки. Работа тяжелая больше морально, чем физически. Чуть окреп – взяли забойщиком. Сначала не мог выполнять одну норму, теперь вот чуть восстановился и стал выполнять полторы. Он не опускает руки – уперто следует своему плану. Расплатится с кредитами – и снова можно будет копить. Одна норма, две, три... Работать больше, усерднее и зарабатывать больше. Вот только Глеба жалко – утащил его отец на шахту из-за своей болезни... Ну, ничего. Пройдет год, они выплатят долги – и Глеб сможет бросить рудники и поступить куда-нибудь. Он умный, обязательно поступит.

Вот такие мысли проносятся в голове Брыкова-старшего за его обычной работой – бурением породы.

Где-то недалеко находится Глеб. Парень сильный, выносливый, быстро пробился из разнорабочих в забойщики. Отец гордится сыном. Но часто, встречаясь с ним глазами под землей, первым отводит взгляд. Не может видеть его черное от пыли лицо и усталые глаза. Ему стыдно за то, что не смог дать сыну лучшего будущего. Но не все потеряно – надо работать еще больше... Четыре, пять, шесть норм.

Чертожские рудники с геологической точки зрения осложнены тем, что содержат в себе нефте- и газовые проявления. При добыче выделяется взрывоопасный газ метан – превышение нормы этого газа в шахте может иметь ужасные последствия.

Каждый день с приборами и датчиками шахту должен обходить оператор газоконтроля. Но вчера он отмечал день рождения – и сегодня жутко болит голова, лишние телодвижения вызывают боль и тошноту. Обходить всю шахту он не стал.

Внезапный выброс метана в выработке, случайная искра от отбойного молотка – и произошло воспламенение газо-воздушной смеси. Взрыв...

Сначала – треск где-то в стенах.

Вдалеке слышатся раскаты грома, что-то трещит и катится по коридорам – это воспламенившийся газ стремительной силой разворачивает рельсы и скручивает их в кольца, разбрасывает все на своем пути.

Дыхание взрыва все ближе – пламенные тучи из горящих обломков и пыли.

Шахтеры падают на землю, закрываются, чем могут.

Доля секунды... Ты ничего не понимаешь – просто кувыркаешься и летишь. Материалы, бочки, камни – все летит, как

пули.

Никто не может определить, сколько проходит времени – секунды или часы, прежде чем все заканчивается. Мысли и чувства притупляются, пострадавшие теряют способность рассуждать о чем-то.

Ему повезло – он был закрыт каменной нишей, как щитом. Рваная рана в бедре приносит боль, но острое желание помочь другим притупляет ее. Хромая, он выбирается из своего укрытия. В голове только одно имя. Глеб.

Он пробирается через поваленную крепь, обломки породы и находит сына, застрявшего в развороченных рельсах. Мертвого, с торчащей в бок выбитой из колеи рельсиной.

По щекам отца не скатывается ни одна слеза. Лицо сурово и сосредоточенно, губы сжаты в тонкую нитку. Он достает сына из смертельных силков, относит в сторону, осторожно кладет на землю, накрывает рукой лоб. Вздыхает – и отходит в сторону. Сейчас надо думать о живых...

Вместе с другими шахтерами он достает людей из-под завала, оказывает раненым первую помощь.

Но тут – сухой треск – крепь не выдерживает напора потревоженной взрывом породы, – и обваливается несколько каменных глыб.

Крик шахтеров – его вытаскивают из-под обломков. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что дело плохо – острые камни пробili грудину и легкие.

Его переносят в безопасное место.

– Держись, Юрка! Мы тебя вытащим! Потерпи немного!
Вместо дыхания – свисты и хрипы.

Он не сдается.

Шахтеры разгребают завал, орудуют лопатами, зубилом, молотками.

Раздаются звонкие удары металлом о каменную породу. И отборный мат людей, которые хотят выбраться на поверхность.

А неподалеку в каменной нише тяжело, со свистами и бульканьем, дышит человек.

Человек хочет жить. Жить страстно, до боли. Хочет жить не просто наблюдателем, а быть хозяином жизни. Человек ведет трудный бой с самим собой. Жестокий и неравный бой, который он проигрывает.

Он мчится по взлетной полосе...

На нем красивая, аккуратно выглаженная форма.

«Вас приветствует командир самолета “Альбатрос!” Всем пассажирам просьба пристегнуть ремни».

Самолет отрывается от земли.

Он чувствует, как взлетает.

Последнее, что проносится в голове, – имена его жены и сыновей.

Глава 3. Ханна

Кит ведет меня с баржи. Ведет меня домой. Прочь, прочь от этого кошмара.

Он что-то спрашивает, но я не слушаю его, погружаюсь в свои мысли.

Я думаю о маме и папе. О том, что больше не приду домой такой, какой они меня помнят. От этой мысли хочется заплакать.

«Все закончилось...» – сказал мне Кит, когда уводил с баржи. Но это не так. Ничем не сотрешь из головы воспоминания. И время не вернешь назад. Ничего уже не исправишь.

Да, он увел меня от Архипа, от этого страшного *Schund*, которое не имеет права называться человеком. Но даже ночью в своей комнате в четырех стенах он не даст мне покоя – он навсегда остался жить в моей голове, в памяти. И это не сотрешь...

Им пропахли мои волосы. Кожа впитала его запах. Ванная – вот, что я сейчас хочу больше всего на свете.

Моюсь с остервенением, тру мочалкой тело до красноты. Чищу зубы до крови на деснах.

Этого недостаточно – я все еще чувствую его вонь, от которой хочется вырвать.

Я пропахла им насквозь, мне никогда уже не отмыться.

Я моюсь несколько раз, чтобы смыть этот отвратительный

тошнотворный запах. Но не помогает – он намертво впитался в кожу.

Сдохни.

Я хочу, чтобы ты сдох.

Ложась в кровать, я не ощущаю себя чистой.

Чувствую себя *Dreck. Schmutz*⁴.

Никем.

Ночь не приносит мне покоя.

Страх. Мучает жажда. Лихорадка – то холодно, то жарко. Сердце не стучит, оно ревет. Первый раз я ощущаю панику, которой невозможно сопротивляться. Ты покорно подчиняешься этой волне паники, которая накрывает тебя с головой... Откидываешься на спину и вытягиваешь руки в стороны, позволяя течению нести тебя прочь. В неизвестность.

Я тихонько вою и раздираю простыню ногтями.

Пытаюсь заснуть, но вздрагиваю от того, что сильно трясутся руки, – как от электрошока.

Даже здесь, в моей кровати – его запах. Им пахнет подушка и простыня. Он поглотил меня, заполнил собой каждую пору.

В конце концов я засыпаю... и умираю изнутри.

Просыпаюсь с мутными глазами и будто оглушенная.

Я не выхожу на улицу. Не хочу никого видеть. Я боюсь, что при взгляде на меня они поймут, что произошло.

– Что с тобой, Ханна? – спрашивает мама, видя, как я це-

⁴ Дрянь. Грязь (нем.).

лый день шатаюсь по дому, как привидение. – Ты давно не выходила на улицу, мало ешь...

– Болит живот, – говорю я. – Месячные. Тяжело проходят в этот раз.

Мама сочувственно кивает.

– Дать обезболивающее? – а потом ищет в ящике комода таблетки.

Нет ли таких таблеток, которые помогут вылечить душу? Или такие, которые помогут забыть? А лучше – забыться совсем...

Я не расчесываю волосы, не умываюсь, не смотрю в зеркало. Солнечное утро не приносит мне радости. Еда по вкусу как вата. Домашняя одежда колет, как крапива. Ничто не приносит мне удовольствия. Мне все противно. Я с трудом и тошнотой допиваю этот день – будто прокисшее молоко. А потом – еще один. И еще.

И так все идет до тех пор, пока я не слышу, как дрожат стекла, а за окном – далекий хлопок.

Я смотрю в окно и вижу, как вдалеке вверх ползет огромный столб черного дыма.

Взрыв!

На той шахте, где работают отец и брат Кита!

И вместе с этим взрывом возродилась прежняя Ханна – та Ханна, которая всегда сначала действует, а потом думает. Ханна, которая не знает, что такое страх.

Я выбегаю на улицу. Распахиваются двери – соседи сле-

дуют моему примеру.

Возле кустов одного из соседских домов проводится быстрое собрание – мужчины, кто посильнее, уходят туда, где произошел взрыв. Подросткам, мальчикам и девочкам тоже дали задание – найти воду в бутылках и медицинские маски от дыма.

Я хватаю Вилли, Бруно и еще парочку девчонок и мальчишек. После набега на продуктовый магазин и аптеку, с большими рюкзаками, груженными водой и защитными масками, мы спешим в Чертогу.

Часть у нас забирают – несут ближе к эпицентру взрыва тем, кто сейчас исследует обстановку и, возможно, разгребает завал. Нас туда не пускают. Мы обходим толпу людей, которая жметя к красной ленте оцепления, – полиция не пускает их ближе. Здесь тоже много дыма. И много слез. Мне жалко этих людей... У каждого из них на шахте были родные и близкие. Они сейчас мучаются неизвестностью...

Я ищу Кита и вскоре нахожу его. Бросаю на него беглый взгляд и по его глазам понимаю, что беда не обошла его стороной – его родные там, на шахте.

Бросаюсь к нему на шею. Не могу подобрать нужных слов, чтобы успокоить его. Так хочется взять себе хотя бы немного его боли и терзаний. С трудом отлипаю от него – меня тут ждет работа...

Я хожу в толпе, протягиваю людям воду и маски. Говорю всякие глупости, чтобы успокоить. Может быть, это звучит

страшно, но на чужом горе я чувствую себя лучше – когда сталкиваешься лицом к лицу с бедой такого масштаба, твои проблемы начинают казаться ерундовыми и несущественными.

Через некоторое время поступает информация о первых погибших. Люди расступаются в сторону. Все смотрят на кого-то в толпе, очевидно, близкого члена семьи погибших.

Два человека передо мной расходятся, теперь я тоже могу его видеть.

И тут...

Сердце сжимается от страха. Сначала я думаю, что мне показалось, – что это фантомное видение. Как и запах, который мне теперь всегда мерещится. Но нет. Он здесь... Глупая эгоистичная мысль – он здесь из-за меня. Чтобы снова поймать меня в ловушку. Сделать больно...

Хочется убежать прочь, нестись подальше сломя голову – за забор, в свой уютный мирок. Но разум берет верх над страхом – я понимаю, что дело в другом. Он смотрит куда-то вдаль совершенно пустым взглядом. Его родные тоже на этой шахте. И, в отличие от Кита, который смотрит на шахту с надеждой, что все еще может наладиться, что беда может обойти стороной, Архип ничего не ждет. Он смотрит так, будто все кончено. Не остается сомнений – это его близкие погибли. Это на него все смотрят.

– В толпе говорят, что он потерял обоих родителей. Всю семью... – шепотом говорит одна из наших девочек, которая

тоже неплохо знает русский.

Выждав несколько минут, я набираюсь смелости и подхожу к нему.

«Перетерпи, просто перетерпи... Сейчас он – не чудовище и не монстр. Сейчас он – мальчик, потерявший родителей».

С этими мыслями я протягиваю ему воду и маску.

Он смотрит на меня удивленно: как будто я – последний человек, которого он ожидал здесь увидеть. Принимает из рук бутылку, но глядит так, словно я подсыпала в нее отраву.

– Мне жаль, что это произошло с твоей семьей, – говорю я и, преодолевая себя, опускаю ему руку на плечо в знак сочувствия.

Он молча кивает, а потом настороженно смотрит в сторону – туда, где стоит Кит.

Я качаю головой.

– Я не сказала ему про то, что ты сделал. Сейчас не время. Мне очень жаль, правда.

С этими словами я отхожу от него и протягиваю воду плачущей женщине.

* * *

Низко натягиваю капюшон. Я все в той же неизменной линялой толстовке и засаленной кепке – мой парадный костюм на бал. Или пропускной билет в Чертогу.

Лезу за забор, подхожу к дому Кита. В который раз при взгляде на рисунки чудовищ на стенах по коже пробегают мурашки. Обхожу дом с обратной стороны. Иду по узкому переулку между двух домов, перепрыгиваю через вонючие ручейки и мусорные пакеты. Смотрю наверх – окно второго этажа открыто. Я поднимаю с земли камень и бросаю внутрь. Ничего не происходит. Кидаю еще раз. Опять ничего. Ощупываю руками вентиляционную трубу на прочность – и, подобно бешеной мартышке, пытаюсь забраться наверх. Труба издает жуткий гул и скрежет. Эх, если бы я все-таки зашла через парадную дверь, мое появление прошло бы не так заметно. Но большая часть препятствия уже пройдена. Осталась самая сложная часть – втащить свой зад в окно. Чувствую себя огромной баржей, застрявшей между двух айсбергов. Но и этот пункт успешно выполнен – плюхаюсь на пол тяжелым мешком.

Осматриваю пустую на первый взгляд комнату. Заглядываю за перегородку – Кит спит на койке. Я осторожно сажусь на краешек и провожу рукой по волосам. Он похож на ребенка, когда спит. Что ему снится? Наверное, что-то хорошее... Лицо такое спокойное и умиротворенное.

Он просыпается и перехватывает мою руку. Улыбается.

– Здравствуй, Пряничная девочка.

– Привет, мальчик с дохлой *Ratte* на поясе.

Он хмыкает.

– Я лет с девяти перестал носить крыс на поясе. Мода по-

менялась.

– Чего ты разлегся тут? День на дворе! Я принесла вам с мамой еды. – Достаяю из рюкзака контейнеры. – Картофельный салат и жаркое. Где, кстати, твоя мама?

– На работе. Ее выходные должны кончиться только завтра, но она не хочет сидеть дома.

– Как она?

– М-м-м... Не считая того, что периодически зовет меня Глебом, более-менее. Держится.

– Пойдем уберем еду в холодильник. Скажешь маме, что это ты приготовил. А еще... – Я осматриваю комнату, больше напоминающую минное поле. – Нам нужно убратся. А после того как уберемся, пойдем гулять. И не спорь – там хорошая погода.

Но Кит не спорит – хотя я приготовилась к тому, что его придется долго уговаривать.

Подметаю с пола обрывки бумаг и какие-то шкурки. Кит протирает пыль.

– Ты что, все эти несколько дней так и просидел дома? Судя по мусору, ты тут надолго законсервировался. Надо было прийти к тебе раньше... Тебе нужно выходить из дома, общаться с друзьями.

– У меня больше нет друзей. Кроме тебя.

– Не говори глупостей. Как же Архип?

– Я не видел его со дня взрыва. И не хочу видеть. И ты знаешь почему. Ханна... – Он мнется. Я сжимаю губы – знаю,

о чем он сейчас спросит. Ответ на этот вопрос я тщательно заучила. – Что он сделал тебе там, на барже? Я должен был спросить раньше, и спросил бы, если б не взрыв...

Я сосредоточенно выметаю пыль из угла. Стою спиной к Киту, но чувствую, как он наблюдает за мной.

– Ханна?

Я глубоко вдыхаю, поворачиваюсь к нему с улыбкой на лице. Подхожу близко и обнимаю за плечи.

– Он ничего не сделал мне, Кит. Не посмел сделать. Он хороший друг тебе, не смей его терять. Тебе нужно к нему. Не смей рушить вашу дружбу из-за девчонки.

Я слышу, как он выдыхает от облегчения, – разгладились хмурые морщинки на лбу, стерлись с лица тревога и беспокойство.

– Как же я рад это слышать... – шепчет он.

А я улыбаюсь, пряча за улыбкой свою тайну.

Я много думала об этом...

Теперь, кроме Архипа, у Кита нет опоры и поддержки. Осторожно провожу пальцем под его носом, вытирая маленькое пятнышко крови. Эта кровь сначала пугала меня, теперь она идет почти постоянно и, как бы глупо это ни звучало, стала какой-то изюминкой его лица, как у других – родинки или веснушки. Лучше бы у него под носом была огромная жирная бородавка – даже ее я смогла бы полюбить. Ведь от веснушек, родинок и даже уродливых бородавок не падают в обмороки. И не защемляется что-то в мозгу

до кратковременной потери памяти.

Теперь, как никогда, Киту нужна поддержка Архипа.

Зарываюсь пальцами в волосы Кита. Наконец-то спустя столько времени снова наступила короткая пора беззаботной влюбленности.

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Я улыбаюсь, пряча за улыбкой историю.

В каждом из нас рано или поздно рождается история... Для которой мы роем огромную яму, чтобы похоронить ее под двухметровой толщей земли.

История, о которой больше никто не узнает.

* * *

Они поднимаются на холм, идут по дороге, плавно выходящей вверх серебристо-серой лентой.

Воздух прозрачен, мягок и свеж, в нем разлит осенний запах. Вдали ложится мягкий пар, обманчиво теплый на вид.

Где-то позади, внизу, слышно, как лают собаки и кудахчут куры. Но чем дальше они уходят, тем слабее доносятся звуки. Ведь окрестности почти необитаемы, повсюду царствуют одиночество и тишина.

В памяти всплывают любимые образы, мертвые и живые любимые лица.

С высоты открывается потрясающий вид на Чертогу – рас-

паханные холмы разбегаются широкими волнами, между ними пролегают заросшие кустами овраги. Отдельными островками раскиданы маленькие рощи. Чернеют старые дома, белеет церковь, сверкают речки.

Низкое солнце слабо греет, но блестит ярче летнего. На дне долины притаилась первая изморозь.

Влюбленные стоят у обрыва, взявшись за руки. Под ногами журчат ручейки и шуршит прошлогодняя трава.

Они дышат пахучей сыростью и смотрят, как алый блеск заходящего солнца заливает желтые холмы и тонкое покрывало тумана.

– Я давно хотела спросить тебя о том дне, когда мы снова стали вместе... Почему ты передумал там, на крыше? – спрашивает она. – И прыгнул? Почему ты сделал выбор именно тогда?

– Незадолго до этого мы ограбили склад, – чуть подумав, отвечает он. – И я смотрел на все лица вокруг и видел, что они пустые. Я понял, что все, что происходит вокруг, мне неинтересно. Это все бессмысленно. Все идеи, правила, которым мы следовали, все то, что я ценил и что берег, считал своим идеалом, все вдруг перестало иметь смысл.

– И с тех пор ты стал хорошим и правильным? Пф-ф! Не верю!

– Ты права. Хорошим я не стал. Мне и дальше приходилось воровать и бить, но я делал это уже без прежнего желания, а чтобы быть рядом с Архипом, следить за каждым его

движением. Я делал это, чтобы спасти тебя.

После этих слов она крепко сжимает его руку.

Вдруг внезапно налетает ветер, небо заволакивает свинцовой пеленой. Начинает капать дождь...

Держась за руки, двое бегут в заброшенную постройку, где, обнявшись, стоят под крышей и переживают дождь.

Совсем как в детстве...

Гроза проходит – двое выходят наружу, идут по мокрой траве. Воздух пахнет грибами и травой.

Небо бледнеет, синее, все вокруг пропитывается мглой.

Солнце садится за горизонт, на небе просыпается первая звезда.

Они глядят в сторону шахт – где величественные горы и каменистые возвышенности, отливающие бордовым и фиолетовым, отбрасывают длинные тени. От невероятных пейзажей и высоты захватывает дух.

Их захлестывает волшебное чувство влюбленности – высота, холмы, леса и горы, переливающиеся яркими красками, вечернее небо, холодная осень, горячие поцелуи и кто-то, стоящий рядом и готовый сорвать для тебя звезду.

Глава 4. Кит

Будь я матерью двоих детей, один из которых умер, то моей главной мыслью было бы: «Один сын умер, но второй еще жив. Надо держаться, жить ради него. Ради того, кто еще живой».

Но это не про мою мать.

Я стараюсь ее не винить – знаю, сколько горя я принес семье. Знаю, как сильно – они оба, мама и папа, – любили своего старшего. Как будто он был их единственным сыном.

А меня списали в утиль, как брак?

Не думаю... Но иногда нечто подобное пробегало в моей голове.

Мама не видит меня. Смотрит на меня так, будто я – малознакомый сосед, пришедший в знак вежливости выразить свое сочувствие.

Она впала в отчаяние. Я растерян, не знаю, что мне делать. Как помочь.

Она почти все время плачет, от слез раздуваются вены на щеках. Ни с кем не общается и ничего не хочет. Часто вслух размышляет о том, что было бы, если бы папа с братом остались живы.

Через некоторое время она выходит на работу – домашняя обстановка угнетает ее. Я рад – может, работа отвлечет ее от горя... Но как бы не так.

Она часто видит во мне Глеба.

Я готовлю еду, пытаюсь накормить ее. Она принимает еду – я радуюсь – значит, поправляется... Но она отвечает мне: – Спасибо, Глебушка.

Думаю: если мне так плохо, то каково ей? Женщине, которая потеряла в один день мужа и сына?

Я должен быть сильным. Должен держаться... Поэтому подыгрываю ей.

– Как дела на учебе, Глебушка? Что нового проходили?

Я не сразу понимаю, о чем она. А потом до меня доходит: мама придумала себе жизнь, о которой мечтала. Жизнь, в которой Глеб не стал шахтером, а поступил в университет.

– Все хорошо, мам. Сегодня было две лекции. Очень интересных. Нам рассказывали про... животных.

Это первое, что пришло в голову. Я просто не знаю, каким предметам обучают в институтах. Пускай будут животные. Вдруг Глеб хотел быть биологом?

– Про животных? И каких?

– Про китов и дельфинов. А еще про ластоногих.

По-моему, мама не вслушивается в мои слова. Что бы я ни сказал – ее ответ уже заготовлен. Даже если бы я сказал, что у нас сегодня было практическое занятие по изготовлению ЛСД и амфетаминов, ее ответ был бы тем же самым:

– Ох, Глебушка... Ты такой умный. Учись, учись. Ведь знания – самое важное.

Я должен помочь маме справиться с ее горем. Но иногда

накатывает злость – я действительно ощущаю себя просто соседом. Пытаюсь подавить в себе то, что я тоже – член семьи. И тоже тяжело переношу смерть отца и брата.

Их не хватает отчаянно. Я каждую минуту напоминаю себе о том, во что так и не удастся поверить, – что их больше нет. Мне кажется, что отец на шахте, а брат ушел за водой или дровами. Что они вот-вот вернуться...

Но они не возвращаются.

Вспоминаю лицо матери каждый раз, когда Глеб делал какие-то успехи, когда получал хорошие оценки в школе, когда был самым первым в спортивных соревнованиях. Мама светилась от счастья. Именно в эти минуты я запомнил ее лицо, и каждый раз, видя ее после этого, все равно видел в ней то светящееся счастье. Как бы я хотел, чтобы она снова стала такой же, какой я ее запомнил.

Почему в мире все так несправедливо? Если Бог существует, почему он отнял у матери любимого сына, а у жены – любящего мужа?

Почему не отнял жизнь у меня? Почему не отнял жизнь у Кита?

Отброс. Паразит. Асоциальный элемент, не приносящий ни семье, ни обществу никакой пользы.

От меня одни беды – так почему я сейчас стою живой, дышу и чувствую?

А в сырой земле сейчас гниют отец и брат – два человека, которые всегда для меня и всех вокруг были образцами для

подражания.

Почему их? Почему не кого-то другого?

Под землей на Восточных шахтах в тот момент было четыреста человек... Ничтожно мала вероятность, что конкретный человек окажется в списке из двенадцати умерших.

А тут – сразу двое.

Это ужасно несправедливо.

Я не могу смириться их смертью.

Гляжу в треснутое зеркало на свое бледное лицо. Так и кажется, что сейчас войдет Глеб и скажет: «Ты похож на обдолбавшегося гномика, Кит-Кат». Я засмеюсь и брошу в него чем-нибудь – наша ванная комната часто используется как кладовка – в прошлый раз я кинул в него галошей.

Вспоминаю наши смешные шутки и ссоры.

– Кит, чего ты хочешь от жизни?

– Я хочу пожрать.

Или:

– Кит, выключи музыку! Зачем ты слушаешь ее так громко?

– Чтобы заглушить говорящее дерьмо, которое стоит возле меня!

А было еще:

– Услышав твой голос, Кит, все почему-то сразу начинают притворяться мертвыми.

Только сажусь на кровать и будто слышу громоподобный рев отца, который ругается на меня и называет бездельни-

ком:

– Ты снова лежишь на кровати и ни черта не делаешь!

– Нет, я занимаюсь важным делом. Между прочим, садоводством.

– Каким садоводством?! Что ты мне голову морочишь? Ты от кровати отлипнуть не можешь!

– Именно садоводством – я выкорчевываю корни, которые моя жопа пустила в матрас.

У папы было туго с юмором... Попробуйте потаскать стокилограммовые стойки – от вашего юмора тоже мало что останется. Так что шутка не удалась... И меня ждала жесткая взбучка.

А я отца в такие моменты ненавидел... Какой же я дурак. Я бы сейчас душу дьяволу продал, лишь бы папа снова дал мне хорошую затрещину.

Взгляд падает на пол – из-под кровати выглядывают книжки. Я беру одну в руки – «Колдун и таинственная река». «Почитай мне, Глеб!» – хочу крикнуть я и смотрю на другую перегородку – туда, где стоит койка Глеба. Но Глеба там нет. Я так и не узнаю, чем кончилась история о Колдуне. Это – последний том... Глеб не дочитал мне до конца. Я бросаю книгу обратно под кровать – не буду ее дочитывать. Колдун умер вместе с моим братом. Сгнил и рассыпался весь гребанный волшебный мир.

Ненадолго выхожу во двор – тяжело все время находиться дома с человеком, который не узнает тебя.

Сажусь на лавочку.

Воздух холодный, свежий и сырой, наверху – облака, такие круглые, будто очерченные циркулем. Кое-где на деревьях дрожат последние золотые листья.

Смотрю, как две мелких девчонки играют в мяч. Они замечают меня, перешептываются. Одна подходит ко мне и протягивает конфету. «Ты симпатичный», – говорит она мне. Я беру конфету. Улыбаюсь. Хочу броситься домой, вбежать в комнату и вопить: «Глеб! Долбанный ты Глеб! Девчонка из дома напротив сказала, что я симпатичный! Вот так! И совсем не похож на упоротого лепрекона, как ты всегда мне говоришь! Смотри, что она мне дала! – И махать перед его носом конфетой, как доказательством. – И она, кстати, очень милая!» Главное, умолчать о том, что ей всего десять... А потом я вспоминаю, что Глеба больше нет. И не перед кем теперь поважничать, некому похвастаться, не с кем поспорить... Поругаться, подраться, а потом помириться.

Я растерян. Я привык быть в семье младшим... Человеком, к которому не относятся серьезно. Если семья решала какие-то важные дела – мой голос никогда не учитывался. Меня даже не созывали на совет. Никто никогда не относился ко мне серьезно, даже я сам. А сейчас, видя, как угасает мама... Я должен резко повзрослеть. Это не просто, совсем. Кроме меня, некому принять решение.

Дома в комнате я слышу мамин голос:

– Глебушка, принеси воды...

Я послушно приношу стакан.

И что-то во мне ломается. Я устал притворяться, что все хорошо, что так и должно быть.

Через некоторое время я подхожу к маме снова. Хотя она не звала меня.

Сажусь перед ней на корточки, протягиваю ей только что купленные мотки с шерстью.

– Мам, это шерсть. Я хочу, чтобы ты связала мне к зиме свитер, я мерзну. Крупной вязки. С узорами. Чтобы узоры шли продольно. И чтобы на шее была застежка. А еще хочу теплые носки. Зеленые. С белыми звездочками. Только я хочу, чтобы ты это сшила не для Глеба. А для меня. Это я, мам. Никита. Кит. Я – твой младший сын. И я живой. Не списывай меня, пожалуйста.

Она забирает клубки, перебирает нитки руками и всхлипывает. А потом поднимает на меня глаза и смотрит уже по-другому... Обнимает меня за шею.

– Прости меня, сынок. Прости, пожалуйста, свою полоумную мать. Прости, Никита.

Я глажу ее по спине и чувствую, как мое имя, произнесенное вслух, придает нам обоим сил.

* * *

Бинтую кисти рук и наношу груше комбинацию ударов. Я представляю, что передо мной – не груша, а человек, ви-

новный в смерти моей семьи. Нам сообщили, что причина взрыва – череда случайных факторов, но мне легче думать, что виноват конкретный человек.

Мои удары быстрые, жесткие и точные, как никогда.

Делаю прямой удар в корпус и боковой удар ногой. Потом – апперкот в челюсть и удар коленом.

– Привет, малыш.

За спиной слышу знакомый голос. Резко поворачиваюсь. У входа на балкон стоит Архип. На нем яркая клетчатая рубашка. Во рту – зубочистка, руки спрятаны в карманы. Выглядит он неважно – как будто сильно постарел, если это возможно в нашем возрасте.

– Архип... – шепчу я.

– Можно войти?

Я развожу руки в стороны, жестом давая согласие.

Он облокачивается на парапет. Мне хочется броситься к нему, обнять его... Ведь он, как никто другой, сейчас мне ближе всех. Как никто другой понимает меня. Но что-то мешает мне... Наверное, старые гордость и злость – они не дают мне обнять моего друга. И поэтому я просто подхожу к груше.

– Знаешь, я шел сюда как на казнь. Знал, что ты, увидев меня, убьешь. Шел осознанно. Просто надоело откладывать все. Лучше разобраться с этим здесь и сейчас. Так что я готов. Бей.

Он разводит руки в стороны и закрывает глаза. А я ни

черта не понимаю...

Качаю головой. Как он может подумать, что я все еще хочу этих разборок? Как он не понимает, что взрыв изменил меня, изменил всех нас... И теперь все, что было до взрыва, кажется просто воздушным шариком, который ткнули иголкой, и он, свистя и сдуваясь, уносится прочь.

– Нет. Ханна сказала, что ты не посмел ей ничего сделать. И что ты хороший друг мне. И что я не должен разбрасываться этой дружбой.

Он смотрит на меня настороженно.

– Ханна так сказала?

– Да. Ведь ты ничего ей не сделал? – С подозрением спрашиваю я.

– Нет. Я ничего ей не сделал. – Слова Архипа окончательно выгоняют из головы сомнение.

– После взрыва я стал смотреть на многие вещи по-другому, – говорю я. – Как будто все наши ссоры, дела, достижения, планы... Все это было таким несущественным. Это все не имеет значения теперь, когда мы с толкнулись с настоящей бедой. Ты и я... Мы теперь навсегда в одной лодке, Архип.

Я вижу, что мои слова успокоили его. Он подходит ко мне и обнимает. Я утыкаюсь носом в его рубашку. Он целует меня в затылок – Архип такой высокий... Я закрываю глаза и представляю, что это Глеб. Или отец.

– Малыш, бедный мой малыш. Почему ты не сказал мне о

ней? Об этой чертовой девчонке? Почему не сказал раньше? Зачем скрывал? Я бы оставил ее в покое и не тронул бы ее даже пальцем. Потому что она – твое... Почему же ты не сказал?

– Боялся. Мне казалось, что это предательство. И ты будешь считать меня предателем.

Он отстраняется. Смотрит на меня так, как родители смотрят на своих детей. Детей, которые очень пытаются казаться взрослыми, но на деле выходят просто забавными...

– Ох, Кит-Кат... – Он протягивает палец к моему носу и вытирает кровь. Скажи, скажи это еще! Ведь именно так называл меня Глеб... – Как многого ты еще не понимаешь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. И никогда в жизни ты меня не предашь, что бы ты ни делал. Твоя принцесса права. Нам нельзя разбрасываться нашей дружбой.

Мне тяжело дается этот разговор. Я вижу, что Архипу тоже. Мы никогда не открывались друг перед другом, несмотря на то, что уже много лет друзья.

– Кхм... Молочка? – Я достаю припрятанный пакет молока, пытаюсь перевести тему беседы.

Мы сидим на полу балкона до самого рассвета и пьем молоко с сахаром. Оба остро, как никогда, чувствуем, что теперь мы неразрывно связаны. Нас связала общая трагедия – потеря родных. Теперь каждый из нас – друг другу семья.

– Я должен кое в чем признаться тебе, – говорит Архип.

– И в чем же? – настороженно отвечаю я. Хватит на сего-

дня признаний – я их что-то побаиваюсь.

– Ты не задумывался, почему мои родители оказались на шахте? Я же всегда говорил, что они не работают в этой грязи. Занимают высокие должности.

Я смотрю на него удивленно.

– Я даже не думал об этом. Но разве сейчас это имеет значение?

– Дай мне закончить. Не задумывался ли ты, почему я не водил вас в гости? Почему никто из вас не был у нас дома? Я всегда описывал нашу большую квартиру. И сколько там всего. Но никто не был у нас дома. Мы живем в Коробках – можно сказать, самом богатом районе Чертоги, но... Я все это время вам врал.

– Врал? – не понимаю я. – О чем именно?

– Мы живем на чердаке. Под крышей. Снаружи голуби выют гнезда, и мы их слышим. Моя мать работала откатчицей, а отец – машинистом установок. Следил за погрузкой руды на конвейер, занимался сцепкой-расцепкой вагонеток, мелким ремонтом и смазкой. Сам понимаешь, это вторая ступенька после разнорабочего... Мои родители – шахтеры, как все, только беднее. Они работали на Южных шахтах, а потом их перевели на Восточные... Я знал, что рано или поздно обман вскроется, и уже собирался рассказать вам обо всем.

Это не укладывается в голове. Архип – из бедной семьи? Да быть такого не может. В голове много вопросов. Но поче-

му-то я спрашиваю о том, что первым приходит в голову:

— А твоя одежда? А еда, которую ты нам таскаешь? Откуда это все?

Он пожимает плечами.

— Я неплохой вор.

— Но зачем? Ведь тут все так живут. Зачем казаться лучше?

Он смотрит с балкона вдаль. На холмы и шахтный копер.

— Не все. Вы все живете лучше моей семьи. И знаешь почему? Потому что в ваших семьях есть одна хитрая штука, с которой я никогда не сталкивался. Одна долбаная вещь, которой нет в моей семье. Сопливые поэты называли ее любовью. В моей семье ее не было. Только бедность, грязь, ругань и затрешины. Я завидовал вашим семьям... У Бобра есть любящий дедушка, у тебя — любящая семья. А у меня — только чернота. Так что мое вранье помогало мне самому поверить в то, что я живу не хуже всех. Вот почему я не общаюсь с Коробочниками — они-то уж точно знают, что я представляю собой на самом деле. И вот почему набрал в команду ребят из самых нищих семей — чтобы на их фоне казаться солиднее. Сейчас я думаю, что это так глупо... Но раньше мне это действительно казалось очень важным. Как будто важнее этого нет ничего на свете. Я боялся сказать правду раньше. Мне казалось, что многие отвернутся от меня. Как будто мое выдуманное богатство — это то, что держит вас возле меня.

— Ох, Архип. Как же ты ошибаешься. Все бы и так за тобой

пошли – куда угодно. Даже если у тебя не было бы ни рубля. Ты плохо знаешь своих друзей.

Я думаю о словах Архипа. Это странно... Он много говорил о своей семье. О том, как они живут – подробно рассказывал, что у них дома несколько телевизоров. И видеомагнитофон. И много кухонной техники, есть даже тостер, такой, какой показывают в фильмах. Он хвастался, что они часто ездят в областной центр, в Город, ходят там по торговым комплексам, покупают новую одежду. Он показывал нам классный мобильный телефон и хвастался, что его ему подарили родители. Когда был помладше, говорил, что ходил в Городе в парк аттракционов – катался на американских горках и ел сладкую вату. И хот-дог! Представляете? Рассказывал о 3-D кинотеатрах. О кафе, где можно заплатить один раз, а еды набрать сколько угодно! А сейчас, когда уехал туда на учебу, стал болтать о тусовках в дорогих квартирах и домах, с алкогольными коктейлями, музыкой и настольными играми. Нам показалось это полной ерундой – проводить время за играми? Но он сказал, что сейчас это модно. Он вещал нам о всяких современных выставках, посвященных науке, технике, компьютерным играм, аниме. Рассказывал о велопарадах, о туристических походах, клубах, суши-барах, фестивале красок. Своими историями он открыл нам другой мир, тот, о котором мы никогда не знали, – мир, что находится за Чертогой. Мы никогда не завидовали ему. Собака не может завидовать своему хозяину, видя, как он забирает-

ся на кровать, а ее отправляет на коврик. Это естественно. Поэтому мы никогда не испытывали зависти. Мы просто хотели больше обо всем узнать. Нам интересно знать о том, как живут другие, о том, как меняется и прогрессирует остальной мир, в то время как Чертога стоит на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.